

Иосиф Грайфер

**Короткий рассказ о длинной жизни:
свидетельства трагедии и борьбы
в Минском гетто 1941—1944 гг.**

Josef Greifer

**Kurze Erzählung eines langen Lebens
Augenzeugenbericht einer Tragödie und Kampf
im Minsker Ghetto 1941—1944**

Минск
И.П. Логвинов
2012

УДК 94(47+57)"1941/1944"(093.3)

ББК 63.3(2)622

Г77

Рецензент:

доктор ист. наук, профессор Э. Г. Иоффе

Редакционный совет:

директор Минского международного образовательного центра имени
Йоханнеса Рау, канд. филол. наук В. Ф. Балакирев;
руководитель Дортмундского международного образовательного центра
Петер Юнге-Вентруп (Германия);
председатель Союза белорусских еврейских общественных
объединений и общин Л. М. Левин;
председатель Наблюдательного совета Минского международного образо-
вательного центра имени Йоханнеса Рау,
профессор Манфред Цабель (Германия)

Иосиф Грайфер

Г77 Короткий рассказ о длинной жизни. Свидетельства трагедии и борь-
бы в Минском гетто 1941—1944 гг. = Kurze Erzählung eines langen Lebens.
Augenzeugenbericht einer Tragödie und Kampf im Minsker Ghetto 1941—1944 /
под ред. Кузьмы Козака. — Минск: ИП Логвинов И.П., 2012. — 108 с.

ISBN 978-985-6991-95-3.

Воспоминания бывшего узника Минского гетто Иосифа Грайфера представляют одну из наиболее трагических страниц Великой Отече-
ственной войны 1941—1944 гг. — историю Холокоста в Беларуси. До-
кументальные материалы, фотоиллюстрации дополняют историю борь-
бы и выживания евреев г. Минска. Книга предназначена для историков,
работников образования и культуры, всех, кто интересуется вопросами
истории Холокоста.

УДК 94(47+57)"1941/1944"(093.3)

ББК 63.3(2)622

ISBN 978-985-6991-95-3

© Иосиф Грайфер, 2012

© Историческая мастерская ММОЦ
имени Йоханнеса Рау, 2012

© Оформление. Издатель ИП Логвинов И.П., 2012

Оглавление

Введение	5
Все, конечно, очень трудно вспомнить	6
Родился я 12 июля 1926 года в г. Минске.	6
Дом, где мы жили	7
В шесть лет я пошел в школу	8
Началась война	10
Через большие ворота мы вошли в гетто	12
Мы с ребятами из гетто и вне гетто организовали группу сопротивления	14
Кроме холода, голода	15
По гетто ходили белорусские, литовские, латышские и украинские полицейские	16
Следующий этап.	17
Однажды началась облава	18
Работа по обслуживанию электросетей	18
Новые испытания	19
Трагедия близких	23
В 1942 году в гетто было очень тревожно	25
Чтобы попасть в партизаны, надо было иметь оружие	25
Однажды объявили, что я, Кушнер и Катценштайн	26
В мае нам объявили, что больше в гетто нас водить не будут.	31
И так у меня начиналась новая жизнь без фашистов	33
Осенью 1944 года я встретил свою Ниночку	34
Спустя некоторое время, моя жизнь резко изменилась	37
Воспоминания не идут по порядку	41
Послесловие	42
Мою жизнь я могу разделить на четыре этапа	42
Первый этап — довоенное время.	42
Второй этап — война.	42
Третий этап — учеба.	43
Четвертый этап — семья	43
В день 85-летия.	44
Благодарю за помощь в работе над воспоминаниями: Эдуарда Самойлова, Анну Марушкевич и Екатерину Дудко и Кузьму Козака.	44

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ	45
Распоряжение полевой комендатуры о создании гетто в г. Минске	45
Из сообщения № 31 полиции безопасности и СД о создании еврейского совета (юденрата)	47
Из оперативной сводки № 92 полиции безопасности и СД о проведении истребительной акции в Минском гетто	49
Приказ № 24 коменданта Белоруссии об уничтожении евреев и цыган	49
Из сообщения № 178 полиции безопасности и СД об антиеврейской акции в г. Минске	50
Из обзора комиссара криминальной полиции оберштурмфюрера Буркхардта о положении немецких евреев в Минском гетто	52
Протокол осмотра местности массовых захоронений в районе еврейского кладбища г. Минска	55
Список публикаций о Минском гетто	56

В ожидании продолжения разговора

Мы так долго ждали разговора с Иосифом Грайфером — одним из наиболее значимых свидетелей трагедии Минского гетто. Нет, он не молчал. Он был участником многочисленных встреч как в Беларуси, так и в Германии. Его слова узнавали. Его не раз просили оставить зафиксированные воспоминания. Наверное, написать о пережитом ему не хватало уверенности и сил. Может сомнения говорили ему, что уже немало написано. Пускай, даже со слов других. Но ведь он видел все это. Это, что уже никогда не отпустит, что заставляет переживать снова и снова.

Сейчас сделан первый шаг навстречу прошлому, в котором он увидел много окружавших его ранее лиц. В тексте краткость, но быстрота повествования приостанавливается только на самом главном. В коротком рассказе практически не остается места для переживаний. Это так присуще его жизни: на работе, дома, среди друзей. Даже когда остается в домашнем одиночестве, он по-прежнему лаконичен и интеллигентен. В нем больше жизни, чем осмысление ее радостей.

Представленный для издания текст бывшим узником Минского гетто Иосифом Грайфером публикуется без изменений. Только в некоторых местах, по согласованию с автором, были внесены уточнения. Сам же автор, время от времени, трижды вносил важные дополнения. Небольшой текст является результатом глубоких переживаний и ответственности за представленные материалы. Видя, как много в наличии литературных текстов по истории Холокоста, Иосиф Грайфер стремится как можно точнее воспроизвести им увиденное. Его импульсивное представление высвечивает палача и жертву, а паузы молчания сменяются призывами к живой памяти трагического прошлого. К тем, кто смог пережить Холокост.

В ожидании знакомства с емким повествованием умного и сильного человека, страдающего и радующегося в жизни, остается для нас еще одна надежда на продолжение короткого разговора о длинной жизни.

*Руководитель Исторической мастерской,
доцент исторического факультета БГУ Кузьма Козак
Минск, 2012*

Все, конечно, очень трудно вспомнить

Все, конечно, очень трудно вспомнить. Но многое сохранилось в памяти. Постараюсь вспомнить как можно больше.

*Семейный портрет родителей.
Минск, 1936*

Родился я 12 июля 1926 года в г. Минске Родился я 12 июля 1926 года в г. Минске. Когда мне было около 3-х лет, мои родители снимали квартиру в частном доме в районе Сторожевки. В памяти осталось одно из самых ранних воспоминаний: однажды, когда соседи закрывали дверь, я умудрился всунуть руку между створок дверей и, конечно, раздробил себе палец. Шрам остался на всю жизнь.

Когда мне было примерно 4—5 лет, мама показала мне, где работает мой отец. Мы пришли на строительство Дома Правительства. Мой отец переносил кирпичи. На плечи нагружали большое количество кирпичей,

их надо было подносить к месту укладки. Работа физически очень тяжелая, но надо было зарабатывать на жизнь.

Отец мой — Овсей Тодорович, мать — Евгения Марковна. Мама работала медсестрой в больнице. Когда мне было 6 лет, отец защитил диплом и стал главным энергетиком университетского городка. До войны был организован университетский городок. Там было много корпусов разных институтов, и поэтому было создано управление городком. В задачи главного энергетика входило обеспечение электроэнергией, теплом,

связью, уборка территории, охрана и многие другие функции внеучебного процесса. Подчиненных было много, и работы главному энергетнику хватало. В помещениях были водяные батареи отопления, но котельная отапливалась дровами, и подогретая вода поступала в корпуса. Сантехнику и канализацию тоже обеспечивала служба главного энергетика. Вспомнился такой эпизод из жизни. Надо было для всего городка напилить и наколоть большое количество дров на зиму. Подрядились две бригады. Одна — колоть дрова, а другая — пилить. В одной мой отец, я и еще два электрика. Отец соорудил циркулярную пилу, и мы достаточно быстро справились с этой задачей. Кольщики работали намного дольше.

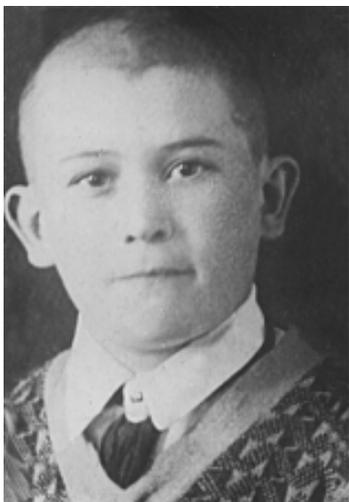
Дом, где мы жили Дом, где мы жили, был деревянный, и, как говорят, все удобства во дворе. Сарай, туалет. Отопление печное. С шести лет в мои обязанности входило: принести дрова из сарая, а если надо, то и наколоть, принести воды (колонка была примерно в ста метрах от дома). Во время стирки, когда требовалось много воды, нанимали водоноса. Он брал пятнадцать копеек за два ведра воды. Немножко о продуктах. В магазинах свежего мяса, масла, молока не было. Мясо, масло (свежее несоленое) покупали на рынке, так как холодильника тогда не было. Овощи, фрукты, свежую сметану, молоко покупали на рынке. Моей обязанностью было помогать маме все это донести домой.

Уличные правила были не такие, как теперь. Дрались улица на улицу. Были правила «по голове не бить» и «лежачего не бьют». Пройти на чужую улицу было опасно. Я умел хорошо драться, и, в конце-концов, меня не трогали. А если кому-нибудь нужно было пройти, просили меня.

Мы получили комнату в доме университетского городка. Одну комнату получили Мельниковы: муж, Николай Иванович — кандидат наук, жена, Евгения Ивановна — врач-терапевт. Карпиловы: муж, Григорий Хацкелевич — кандидат медицинских наук, жена, Рахиль Натановна — медсестра, сын Виктор

5-ти лет. Там мы жили один год. Потом был построен деревянный дом на три квартиры по адресу Столпецкий переулок, 10. Мы разместились в этом доме. Нам дали две комнаты, Мельниковым — также две комнаты, а Карпиловым — три комнаты.

Столпецкий переулок находился между улицами Обувной и Республиканской (ныне ул. Короля и ул. Городской вал). В нашем переулке тогда жили разные люди. Например, бывшие заключенные. Их звали по кличкам: Шика, Пудик и другие. Они верховодили на улице. Научили нас драться и стоять за себя. В жизни это потом очень пригодилось. Появились новые друзья. Толик Квач, он потом учился со мной в одном классе. Леня Кобелев, в начале войны он с родителями уходил из Минска и попал под бомбежку. Леня погиб. Вот Юра Близнюк в начале войны ушел в партизаны. Вернулся в Минск уже после войны. В то тяжелое время, когда вместе с отцом он уходил из Минска, кто-то из беженцев выстрелил в немцев. Оккупанты выстроили всех и пересчитали. Приказали каждому десятому выйти. Отец Юры быстро поменялся с ним местами и вышел вместо него. Отца расстреляли, а Юра остался жить.

Мне 9 лет. Минск, 1935

В шесть лет я пошел в школу

В шесть лет я пошел в нулевой класс девятой минской школы и проучился там 6 лет.

Когда мне исполнилось 10 лет, отец иногда брал меня на свою работу. Я старался помогать электромонтерам. Не всегда удачно, но я старался. До войны большая часть электропроводок исполнялась шнуром на роликах. Перед тем, как одеть провод на ролики, его надо было предварительно переплести. Я научился это делать и успешно выполнял такую работу. Теперь щит-

ки делаются из металла, а тогда они вырезались из мрамора. Нужно было нарезать мрамор, в нем просверлить отверстия и установить аппаратуру. Я успешно научился это и многое другое делать.

Таким образом, к началу войны я уже был опытным электромонтером и занимался в авиамodelьном и стрелковом кружках. Помогал в школьной библиотеке ремонтировать книги, а за это у меня был доступ к любой литературе. В кабинете физики помогал чинить приборы. Вот к 13 годам я уже сформировался. Рост 170 см. Был хорошо развит физически. Умел постоять за себя и, если надо, защитить других. Как я уже рассказывал, иногда перейти на другую улицу было опасно, могли ни за что избить. Я умел хорошо драться, но еще умел договариваться. У меня образовались друзья в других районах, и тех, кто был со мной, не трогали. К 15 годам я уже был ростом 176 см и неплохо физически развит. Это помогало выживать.

*Я, мой двоюродный брат Илья, брат отца Рафаил,
брат Семен, двоюродная сестра Энна (слева направо).
Минск, 1938. Архив Грайфера*

Когда я окончил 5-й класс, у нас во дворе построили школу № 17. Меня перевели в эту школу и, начиная с 6-го класса, я в ней проучился до 7-го класса включительно. Ходил в кружок садоводства станции юных натуралистов. Никто не знал, что это такое — помидоры, а мы их выращивали и пробовали.

Но, к сожалению, на этом мое учение в школе закончилось.

На кружке садоводов станции юных натуралистов было интересно. Минск, 1940 г. Архив Грайфера

Началась война

Мы были на даче. Отец в это время находился на работе, он в течение нескольких дней даже не знал, что началась война. Нам было больно видеть, как уничтожался наш город. Иногда взлетал наш истребитель, его тут же сбивали. Мы всей семьей, не заходя домой, пошли по Старомогилевскому тракту в сторону Могилева. Беженцев по пути было очень много. Периодически налетали немецкие самолеты и расстреливали людей.

Казалось, они гонялись за каждым человеком. Вдоль дороги валялось много трупов мужчин, женщин и детей. Многие уже застыли. Картина была очень страшная, но люди равнодушно проходили мимо, даже не обращая внимания на лежавших...

Прошли Смиловичи и пошли дальше. Все повторялось. Налеты, трупы, нападение десантников. Видно было, что Гитлер взял курс на массовое уничтожение мирного населения.

После Смилович дошли до города Червень. Там было очень много беженцев. Приказом была возвращена вся местная власть. Стали организовывать пункты питания. Некоторых обеспечивали временным жильем. Так продолжалось три дня. На исходе третьего дня объявили, что немецкие войска уже у черты города. Надо было срочно уходить, а по радио упорно передавали, что враг остановлен и нет никаких оснований для беспокойства. Сплошная ложь и дезинформация. Люди никого не интересовали. Дезинформация стоила жизни очень многим, которые поверили властям, не ушли и погибли. Но это уже никого не беспокоило.

Нам пришлось продолжить путь. Пока шли, часто появлялись немецкие десанты. Они были переодеты в форму красноармейцев и командиров, как тогда назывались военнослужащие. Это был обманный маневр противника. Люди, увидев таких солдат, не разбегались. Их собирали вместе: местных, беженцев, и расстреливали. Трупы оставались на дороге. Их было очень много. Однажды нас обогнала немецкая воинская часть, и их солдаты рассыпались по деревне. Они стали грабить магазин. Мы же спрятались в какой-то сарай. Он был без дверей. Туда никто не заглянул — это нас спасло.

Мы решили двинуться в сторону Могилева. Дошли до местечка Березино. Перешли через мост и оказались в лесочке. В этом лесочке пряталось много военнослужащих, как правило, без оружия, деморализованных. Думается, что все они попали в плен.

Пошли дальше и дошли до колхоза «Красный путь». Название самой деревни не помню. На краю деревни была шко-

ла. В ней мы прожили несколько дней, а потом пришла делегация жителей деревни и попросила уйти, так как наше нахождение в деревне ставило под угрозу жизнь всех односельчан. Мы покинули это место и дошли до Днепра, но переправиться было невозможно, везде были немцы. Пришлось пойти в обратную сторону. В лесочке уже никого не было: или ушли, или попали в плен. Мы перешли через мост, оказались в местечке Березино. Там было много немецких солдат. Они не обратили на нас никакого внимания. Мы пошли дальше. Дошли до Червеня, в лесочке переночевали. На следующий день пошли в сторону Минска. Дошли до местечка Смиловичи, там жили родственники жены брата отца. Мы там остановились, но через несколько дней появилась полевая комендатура, и был вывешен приказ о том, что все неместные евреи должны вернуться к месту постоянного жительства. Мы опять пошли в сторону Минска. Единственную вещь, что у нас была, велосипед, обменяли на пуд муки и пошли к Минску.

Когда, после неудачной попытки убежать от фашистов, мы вернулись в Минск, дома на нашей улице были все те же, но люди, которые там жили, были другие, незнакомые. По улице Комсомольской находилась какая-то немецкая организация. Вокруг ходило много людей в черных шинелях с белой повязкой на рукаве. Как потом оказалось, это были местные жители, вступившие в полицию. Нам, к сожалению, пришлось потом в гетто познакомиться с такими полицейскими — белорусскими, литовскими, украинскими.

Через большие ворота мы вошли в гетто

Через большие ворота мы вошли в гетто. Нас мучила неизвестность, выйдем ли мы обратно. Ворота охраняли те же белорусские полицейские. Мы прошли к нашему дому. Дом был перенаселен. Три семьи, которые жили в нашей квартире, уплотнились и выделили место для нас. В этом доме жили бывшие работники радиозавода. В польском городе Вильно был радиозавод. После раздела Польши Вильно стал Вильнюсом и

отошел к Литве, а завод вместе с работниками перевезли в Минск. В Минске большинство из них попали в гетто. Многие из них я потом встретил в малом гетто — Конюшкова, Маца, Лурье и др. Переулок, в котором мы жили, был небольшой. Полтора десятка деревянных домов. У всех были огороды и небольшие садики. Между участками стояли заборы. Мы все друг друга знали. Когда мы вернулись, в домах жили другие, незнакомые люди. Всех неевреев выселили. Заборы между участками были снесены. Все ушло на дрова. В школе № 17, которая размещалась буквально у нас во дворе, тоже жили евреи, вынужденные переселенцы. Люди жили без мебели и кроватей. Спали на полу. Многие голодали, некоторые уже умирали от голода. Когда происходило переселение евреев в гетто, много нееврейских семей тоже потеряли свое имущество и жилье. Фашисты ненавидели всех, и им было безразлично все население нашей страны. Цель — уничтожение всех.

*Территория Минского гетто. 1941—1943 гг.
Архив Исторической мастерской*

Когда мы вернулись в Минск, переселения уже были закончены. Когда я немножко осмотрелся, то встретил многих моих школьных соучеников, мальчиков и девочек. Все они в разное время погибли в гетто. После гетто я никого из них не встретил.

В гетто попали многие из наших учителей. Все погибли.

Мы с ребятами из гетто и вне гетто организовали группу сопротивления

Мы с ребятами из гетто и вне гетто организовали группу сопротивления. Мы выходили на охоту. Мы останавливали случайных солдат и, пользуясь моим знанием языка, просили сигарету и огня. В момент прикуривания кто-нибудь заходил сзади и бил солдата по голове. Во время потери памяти мы их раздевали, забирали оружие и документы. Мы их не добивали и исчезали. Ради маскировки мы это делали не в районе гетто. Это продолжалось до первого погрома седьмого ноября. После, во время первого погрома, ребята из нашей группы погиб-

*Памятник на месте первого погрома в Тучинке. Минск, 2008.
Фото Кузьмы Козака*

ли и наша группа распалась. Спустя время, мы с некоторыми встретились на радиозаводе, куда меня направили работать. Иногда мне удавалось перелезть через проволоку. Это было опасно, так как полицейские, завидев беглеца, стреляли без предупреждения. Иногда я встречался с друзьями. Рискуя своей жизнью, они помогали одеждой и продуктами.

В гетто была очень большая скученность жителей, на всех не хватало места, так как в гетто были собраны люди со всего города. Приходилось спать по несколько человек в одной кровати, а то и на полу. Отопления не было, каждый устраивался, как мог. Дома были деревянные и могли отапливаться дровами, но их не было. Очень быстро были разобраны все сараи и заборы. Когда это закончилось, по-прежнему надо было обогреваться и на чем-то готовить пищу. Все те, кто ходил на работу, возвращаясь, приносили, кто что мог. Тащили с собой все, что возможно: доски, поленья, куски угля. А те, кого не выводили на работу, не могли утеплиться и страдали еще больше. У кого была возможность, старались делиться. Так и выживали. Ночью по полу бегали крысы. Однажды мы проснулись от крика моей мамы. Крыса стала грызть у нее палец на ноге.

Кроме холода, голода

Кроме холода, голода, были все возможные издевательства, избиения, унижения. Например, евреи не имели право ходить по тротуару, при встрече немецкого солдата нужно было обязательно снимать шапку. Если этого не сделал — изобьют. Это было очень унижительно, так как до войны у нас не было разделения людей по национальному признаку. Очень обидно, что в начале войны мы не имели информации о национал-социализме фашизма.

Около Юбилейной площади находился еврейский комитет Юденрат. Утром надо было туда явиться и получить направление и в составе колонны отправиться на работу. Это могла быть уборка улиц, зимой уборка снега, переноска тяжестей и

другая неквалифицированная работа. Работающим выдавали 100 грамм хлеба с примесью свеклы, картошки и др.

Люди в гетто часто болели. Долго и тяжело. Врачи были квалифицированные, но лекарств не было. Мамина сестра болела астмой, но приступ астмы можно снять уколом. Однажды наступил приступ, из-за отсутствия лекарства его ликвидировать не удалось, и она на наших глазах умерла от удушья. Похоронили Марию в общей могиле на бывшем еврейском кладбище. К сожалению, довольно часто наблюдались смертельные случаи. Это было на руку фашистам. Каждое утро умерших завозили на кладбище и хоронили в общей могиле. Когда могила наполнялась, копали новую. Некоторые говорили: «Лучше умереть так, чем от рук фашистов!» На похоронах никто не плакал.

По гетто ходили белорусские, литовские, латышские и украинские полицейские

По гетто ходили белорусские, литовские, латышские и украинские полицейские. Они издевались над людьми: избивали и убивали их. Люди были беззащитны. 7 ноября 1941 года был первый погром, тогда убили около 10 тысяч человек: женщин, детей, стариков. Некоторые возвращались и рассказывали подробности. Людей загоняли в ров и пулеметами расстреливали. Стреляли немецкие и белорусские полицейские. Некоторые люди оказались под трупами и выбрались. После вернулись в гетто и рассказали, как это было. Тут следует добавить, что погромы организовывались следующим образом. Оцеплялся участок гетто, и выйти из этого участка было невозможно. Всех, кто там проживал, убивали. Потом этот участок был уже вне территории гетто. Таким образом территория гетто уменьшалась.

Только люди начали приходить в себя от ужаса первого погрома, 20 ноября случился второй большой погром. Опять колонны людей, женщин, детей, стариков, вели на побоище умирать. Колонны вели всё те же, немецкие солдаты и белорус-

ские полицейские. Между большими погромами людей убивали еще и ежедневно. Для того, чтобы спастись от погромов, строили убежища, назывались они «малины». В них от текущего погрома иногда удавалось спастись, но потом были следующие погромы, а немцы старались проводить эти погромы внезапно, и им это удавалось. Те, кто спасались, погибали в следующих погромах. Фабрика смерти работала постоянно. Фашисты планомерно уничтожали людей. Положение было безвыходное. Каждый день, ложась спать, люди не были уверены, что завтра они не погибнут. Вина их была в том, что они родились другой национальности.

Никто не был застрахован от смерти. Люди умирали еще от голода и болезней. Это страшная машина по уничтожению людей. Бесчеловечная и жестокая. Фашисты евреев называли нелюдьми. По-немецки — уменьш, а русских и белорусов — русише швайн, то есть свиньями. По моему глубокому убеждению, их, фашистов, нельзя было считать людьми. Это звери.

Следующий этап

Следующий этап. Опять в гетто все по-старому. По улицам ходят полицейские: украинские, литовские, латышские, белорусские. Грабят, избивают, убивают людей. Полный произвол. В марте 1942 года, после того как рабочие колонны отправились на работу, гетто было оцеплено немецкими солдатами и белорусскими полицейскими. Никого не выпускали и не впускали. Начался погром. Теперь людей водили колоннами и загружали в машины. Это были газовые машины. Когда машины трогались, газ поступал в кузов, и по дороге люди погибали. Потом трупы отвозили в Тростенец. Так организованно работала усовершенствованная фабрика смерти. Вернувшиеся после работы люди своих близких уже не находили. Следующие погромы были в сентябре и октябре 1943 года, но в это время я уже был в малом гетто. Проживание в гетто, это было ужасно, без надежды остаться в живых. Обидно, перед началом войны мы, молодые, были воспитаны в патриотизме. Но наши прави-

тели бросили нас на произвол. Мало того, еще по радио передавали, что все в порядке. Так еще и, как теперь уже стало известно, руководитель Центрального партизанского движения Пономаренко распорядился евреев в партизанские отряды не принимать*. Это тоже увеличило число погибших в гетто. Можно разделить людей на просто немцев и эсесовцев. После развала Советского Союза я неоднократно бывал в Германии и видел, как дорого обошлась эта война, затеянная нацистами, немецкому народу. Это разрушенные города и гибель многих людей. Осталось много вдов и детей-сирот.

Однажды началась облава

Однажды началась облава, ловили мужчин. Я залез на чердак. Но по лестнице поднялся солдат и сказал: «Ком, ком (пошли, пошли)». Я попал в группу мужчин. Прибежала моя мама, начала бросаться на солдат и кричать: «Четырнадцать лет, ферцен яр!..» Меня отпустили. Попавших в облаву людей больше никто не видел, их куда-то увезли.

Мы жили в районе Обувной улицы. Каждую ночь жителей дома номер 20, который был недалеко от нашего дома, убивали. Трупы убирали, дом заселяли новыми жильцами, которых снова убивали. И так без конца.

Работа по обслуживанию электросетей В августе 1941 года к нам в гетто пришел электромонтер Вася Блажевский. До войны он работал электромонтером в подчинении моего отца. Ска-

---

* Представление о таком положении достаточно распространенное даже среди историков. Тем не менее, следует учитывать наличие на территории Беларуси массового еврейского партизанского движения, деятельность подпольных групп в гетто, еврейских партизанских отрядов и групп в составе Белорусского штаба партизанского движения. Ссылка на наличие приказов или директив советского или партийного руководства о недопущении евреев в партизанские отряды остается без документальных или других доказательств. Прим. — К.К.

зал, что он работает в военной комендатуре и договорился, что нас туда возьмут на работу электромонтерами. И мы стали ходить туда на работу — обслуживать электросети. Ходили мы на работу без сопровождающих. Нам там давали по куску хлеба, кроме того, там работали военнопленные. У них была полевая кухня, там из выделенных продуктов варили еду. Мне с отцом тоже давали. Мы, в свою очередь, часть относили маме и брату. Это их поддерживало. Так продолжалось до января 1942 г. В январе комендатура куда-то была переведена, и мне пришлось обратиться в еврейский комитет. Юденрат в составе других направил меня на работу. Я стал ходить на чистку улиц и железнодорожных путей от снега и мусора. Работа тяжелая, но давали кусочек хлеба. Хлеб был с примесью картофеля и свеклы. Насытиться им было невозможно, но все же лучше, чем ничего.

Новые испытания

7 ноября 1941 года нас предупредили, что в гетто погром, и сказали, в каком районе. Фамилия знакомого механика была — Мусин. Он попросил какого-то офицера поехать забрать семью из колонны узников. Через некоторое время офицер вернулся и сказал, что ничего не получилось. Мусина расстреляли.

Мы с отцом продолжали ходить на работу. Однажды мы переходили Советскую улицу. Вдоль улицы лежало много трупов советских солдат. Это было ужасное зрелище. Оказываясь, солдаты были истощены. Идти не могли, и тех, кто не мог идти, расстреливали и бросали на дороге. Страшно...

Однажды, когда мы находились на площади Свободы, меня задержали и отвели за здание. Там уже было много людей под охраной солдат. Нас построили в шеренгу, вышел офицер и через переводчика объявил, что совершена диверсия, убит немецкий солдат, и нас, 20 человек, расстреляют. Солдаты выстроились напротив нас, была дана команда: «Внимание! Стрелять!» и все упали.

Странно, у меня никакого страха не было. Я тоже упал, наверное, потерял сознание. Когда я очнулся и встал, никаких ран у меня не было. Повезло, что расстреливали солдаты, а не эсэсовцы. Поэтому контрольных выстрелов не было.

Бывшее еврейское кладбище — место захоронения более 5 тыс. жертв Минского гетто. Минск, 2008. Фото Кузьмы Козака

Однажды глубокой осенью наш район оцепили полицейские и солдаты и приказали в течение трех часов освободить жилье. Быстро всё оцепили колючей проволокой. Мы ушли искать другое жилье. Так мы потеряли то небольшое, что у нас еще оставалось. На Обувной улице прожили много дней. Тот район, откуда нас выселили, был заселен евреями из Германии, которые были еще в более тяжелом положении. Они находились за двумя рядами колючей проволоки, без общения с внешним миром, и умирали от голода. А тех, что не умерли от

голода, фашисты в душегубках отвезли в д. Тростенец. Судьба их была ужасна.

Когда мы попали на Обувную улицу, стали жить в доме, который был перенаселен. Спали по несколько человек на одной кровати, но жили дружно, в то же время каждая семья сама по себе. Голодали. Все время хотелось есть.

Зима 1941 года была морозная, суровая. У нас зимней обуви и одежды не было. Идти в колонне на работу было тяжело. Люди были ослаблены и голодны, поэтому колонна двигалась медленно, мы успевали промерзнуть. Тяжелое испытание, а затем работа на воздухе. Некоторые не выдерживали и падали в обморок. Погреться было негде. На костре нагревали воду. Это немного помогало.

На завтра не все могли выйти на работу. Были смертные случаи. В гетто по ночам слышалась стрельба. А утром на кладбище вывозили убитых. Когда мы жили на Обувной улице, которая граничила с Шорной, внизу по улице Мясникова проходили немецкие солдаты: увидев играющих детей, они стреляли в них и убивали ради развлечения.

Вообще трудно описать, что такое гетто. Холод, голод, часто всевозможные издевательства. Ведь евреи не люди — уменьш. К холоду, голоду и даже к издевательствам трудно, но можно привыкнуть, но к смерти людей и убийствам привыкнуть невозможно. У меня до сих пор, спустя много лет, стоит перед глазами такая картина.

Не знаю, откуда пришел этот человек. Он лежал недалеко от нашего дома. Мертвый, опухший от голода. По нему ползало много вшей. Ужасно. Мне пришлось видеть то, что никак не забыть. Женщина с ребенком на руках что-то сказала одному из полицейских по фамилии Городецкий. Командир украинских полицейских. Он выхватил ребенка и, держа его за ножки, разбил ему голову о стену. Женщина занервничала, он и ее застрелил.

В колонне на наружные работы я ходил до начала мая 1942 г. Потом меня направили на работу на ТЭЦ, которая называлась

Эльвод (она находилась там, где позднее построили цирк). Там я работал электриком, и кроме этого я должен был вывозить вагонетки с золой. Работа грязная и тяжелая, учитывая ослабленность организма от постоянного голода. Но это было лучше, чем работа на улице. Хорошо, что работал душ. После работы можно было помыться. И так каждый день, без выходных. Учитывая постоянный голод, это было совсем нелегко. Было и преимущество этой работы в том, что там росло много крапивы. Я набирал целый мешок, приносил домой, варили суп. Это спасало от голода.

Памятник жертвам Минского гетто. Минск, 2008.

Фото Кузьмы Козака

Жизнь в гетто похожа на жизнь безвинно осужденного к казни. Жизнь в гетто похожа на жизнь безвинно осужденного к казни, с отсрочкой исполнения приговора. Полная безысходность и никакой надежды. Отец работал. Его направили в

воинскую часть на подсобную работу. Там, после варки мяса, немцы кости выбрасывали в помойку. Отец приносил эти кости. Еще он работал в воинской части по улице Мясникова. Из окон здания части был виден наш дом в гетто. Туда он приносил домой картофельные очистки. Их тщательно промывали, прокручивали на мясорубке и жарили. Кости варили до тех пор, пока они не растворялись полностью.

В таких условиях мы решили построить убежище — малину. Копали по ночам землю, чтобы не быть замеченными. Установили трубы вытяжки и подачи воздуха. Копали долго. Мы понимали: это временное спасение...

Трагедия близких

Муж маминой сестры Ханан был польским коммунистом, потом стал членом партии большевиков. Работал директором Дома отдыха «Ждановичи». В 1939 году его арестовали как польского шпиона и врага народа. Мамина сестра жила на улице Московской, и у них было три комнаты. Уже после ареста мужа их сразу уплотнили. Оставили одну комнату, и даже мебель не вернули. Освободился он при Хрущеве. За время его заключения в гетто погибли его жена и сын. После возвращения он прожил недолго.

Брат моего отца Рафаил жил с женой Марией и двумя детьми, Толик и Додик были близнецами трех лет. Летом его жена с детьми приехала в Минск к родителям. Когда началась война, она, как и многие жители Минска, не смогла уехать и осталась в Минске. Попали в гетто, там и погибли. Причем детей закопали в землю заживо в районе обойной фабрики. Много дней могила шевелилась, но немцы никого не подпускали к этому месту.

Второй брат Арон с женой Софьей, дочерью Энной и сыном Ильей также погибли при ликвидации гетто в октябре 1943 года.

Моя бабушка и две сестры моего отца, Роза и Рая, тоже погибли в одном из погромов 1942—1943 гг.

*Близнецы Толик и Додик (закопаны фашистами живыми).
Минск, 1941*

*Мария Соколина — жена брата
отца, Рафаила. Ленинград, 1936*

*Брат отца Ара с женой Софьей
(погибли в гетто). Минск, 1940*

В 1942 году в гетто было очень тревожно

В 1942 году в гетто было очень тревожно. В один из дней я не пошел на работу. Вдруг раздался шум, выстрелы. Погром начался в другом районе, но двигался к нам. Мы залезли в малину. У одной из женщин был грудной ребенок. Мать этой женщины с ребенком осталась наверху и на лаз поставила по-мойное ведро. Она решила принять смерть ради спасения остальных. Больше эту женщину мы не видели. Она ценой жизни своей и ребенка спасла остальных. Через два дня маме стало плохо, и мы покинули малину. Вылезли, замаскировали лаз, залезли на чердак и спрятались за лежак дымохода. На третий день кто-то залез по лестнице на чердак и сказал, что никого нет. После четырех дней слышались голоса, это рабочие вернулись в гетто. Я услышал голос отца. Он все эти дни с чердака школы наблюдал за гетто. Видел, как людей уводили, некоторых расстреливали на месте. Из-за большого расстояния они не видели лиц и не знали, что с нами. На этот раз мы остались живы. В гетто стало заметно меньше людей. План фашистов действовал успешно.

Чтобы попасть в партизаны, надо было иметь оружие

Мы стали приобретать оружие. Для того, чтобы попасть в партизаны, надо было иметь оружие. Оружие партизанам передавали разными способами. Мы тоже пытались уйти.

*Яма. Обелиск на месте акции
массового уничтожения евреев
Минского гетто
2 марта 1942 г.
Фото Кузьмы Козака*

Была у нас бывшая соседка, Александра Игнатъевна Плавинская. Она обещала переправить нас к партизанам. Договорились, что ночью за нами придут...

Никто не пришел. Александра Игнатъевна сказала, что не получилось, придут позже. Мы вернулись и стали ждать. В середине июля мы колонной возвращались в гетто, у ворот стояла группка офицеров. Пальцами показывали, кому выйти из колонны. Таких набралось 12 человек. Через переводчика нам сказали, чтобы завтра, к 8 часам утра, быть у ворот, за нами придут.

На следующий день пришел офицер, сказал, что пришел за нами и отвел нас на завод. Дело в том, что воинская часть размещалась на территории бывшего радиозавода. Когда нас привели на завод, построили и сказали, что, так как у нас нет специальности, нам будет поручена черная работа — помощь в стройке и ремонтные работы. А дальше всё будет зависеть от наших способностей.

Первоначально нас поставили подавать кирпичи. В цеха заходить запрещалось. Встретил я старых знакомых, бывших работников Минского радиозавода — Конюшкова Голумба, Макса Лурье и других. Они мне рассказали, что на заводе имеется свое гетто, в котором проживают примерно 700 человек. Работали в основном в цехах, т.к. были специалистами. Так продолжалось 2 месяца.

Однажды объявили, что я, Кушнер и Катценштайн

Однажды объявили, что я, Кушнер и Катценштайн переводимся в цех. Катценштайн — еврей из Дюссельдорфа, он давно уже работал на заводе и проживал там же — в бараке. В том бараке жили немецкие и чешские евреи и др. Старшим над нами назначили немецкого солдата Гельмута Зайдлера. Он отвел нас в цех и указал нам наши рабочие места. Другой солдат, Ганс Вольф, как нам объяснили, должен был распоряжаться нами в нерабочее время (это быт, кормежка и другие вопросы). Обстановка на заводе была лучше, чем в гетто. Нас все-

таки кормили. Обедали в столовой, это после всех лет, когда мы ходили с банками. Отношение к нам на фоне других было лучше, но работа была нелегкая. Кроме основной работы приходилось таскать тяжелые ящики с оборудованием и другое. Когда мы немного осмотрелись, то увидели, что за большим длинным столом сидели более пожилые солдаты. Они занимались ремонтом аппаратуры. Впоследствии, когда мы поближе познакомились, нам рассказали, что они коммунисты, и им не доверяют идти на фронт, бояться, что перебегут. Вели они себя по отношению к нам хорошо, старались всунуть кусок хлеба, колбасы или что-нибудь из пищи. Был случай, когда нас всех ночью вывели к корпусу штаба и сказали, что в здании заложена мина и если ее не найдут, нас всех расстреляют. Нас держали на улице более двух часов, учитывая, что нас подняли с постелей, было очень холодно. Наконец заявили, что мина найдена, ее на руках вынес Гюнтер Катценштайн. Мину увезли, а нас отпустили.

*Бывший узник Минского зондергетто
Гюнтер Катценштайн.
Фото Кузьмы Козака. Минск, 2008*

*Снова вместе с Гюнтером Катценштайном.
Минск, 2003*

Мы подружились с Гюнтером Катценштайном. Русского языка он не знал. Я помогал ему общаться с другими узниками. Некоторым, кому после концлагеря удалось вернуться в Минск, говорили, что видели Гюнтера среди мертвых, а Гюнтеру кто-то сказал, что видел, как меня застрелили при бегстве из эшелона. Уже в 1990-х однажды вечером раздался звонок. Звонил Феликс Липский. Он тогда был председателем нашего объединения евреев — бывших узников гетто и фашистских концлагерей. Спросил, знаю ли я Гюнтера Катценштайна. Я ответил, конечно, сказал, что он был моим другом. Феликс сказал «Почему был? Он сейчас сидит рядом со мной. ОН ЖИВ!» От такого известия у меня чуть не случился инфаркт. Дело в том, что мне сказали, что видели Гюнтера среди трупов в концлагере, а ему сказали, что видели, как меня расстреляли. Назавтра утром мы встретились. Феликс потом говорил, что наблюдал такую картину. Стоят два немолодых человека. Обнимаются и плачут.

После войны он периодически приезжал в Минск, посетить те места, где погибли его родственники и жена. Мы встречались и вспоминали прошлое.

Зяма Кушнер. Он выжил в концлагере. Один из немногих. Когда он вернулся в Минск, мы узнали, что он не Зяма и не Кушнер. Мы узнали, что из гетто он попал в тюрьму за антигитлеровскую деятельность. Он бежал и изменил фамилию. Настоящая его фамилия Керштейн, имя Зиновий. Впоследствии он уехал в Израиль. Мне удалось вспомнить некоторых из малого гетто. Это русские евреи, польские, чешские. Это немногие из 600 человек. Это белорусские, немецкие, польские, чешские евреи. Некоторые были семьями, некоторые одиночки. Фамилии некоторых из них я вспомнил: Гершатор с женой Кабаковой Ольгой и ее детьми: Леной и Наташей.

Мац с семьей.

Лурье с семьей.

Глумб Федя. После войны уехал в Польшу.

Сегаль. После войны уехал в Польшу.

Иоффе: двое детей и мать.

Рацан с братьями, сестрами и матерью. Мать с детьми сдали на Широкую. Погибли в конце 43-го.

Лидский пытался уйти из малого гетто. Поймали, покончил с собой.

Гоberman: мать, сын и дочь.

Рокштейн с женой Машей.

Реер. Осталась жива. После войны работала часовым мастером.

Цукерман Лиза.

Леви с женой из Чехословакии.

Катценштайн из Дюссельдорфа, Германия.

Менакер.

Плакс Абраша, автослесарь, с матерью.

Плакс Петя, сестра Маша и 2 девочки, Мара и Маша.

Кушнер Зяма с сестрой.

Клоц Сема с женой.

Кеязев Фима.

Авербух, жена, две дочери и племянник.

Шапиро Иосив, Исаак, Абраша.

Хауфин после побега ушел на фронт.

Розиноир после побега ушел на фронт.

Ценципер.

Метр отправлен на Широкую и погиб.

Руппо с женой Лизой отправили на Широкую ? это значит, в лагерь смерти. На улице Широкой был концлагерь. Оттуда никто не возвращался.

Гильдинер Татьяна.

Конюшков.

Я, отец, мать и брат.

После войны те, кто успел, уехали в Польшу, некоторые затем в Израиль. Кого-то посадили за то, что они принудительно работали на заводе для немцев.

Многие, кто спаслись из гетто и дожили до конца войны, впоследствии быстро умерли. Их сильно ослабили холод, голод, работа до изнеможения. В результате здоровье бесповоротно утрачено.

Шульмана с женой расстреляли за то, что они появились на территории воинской части без шести шестиконечных звезд, которые должны были быть пришиты на груди и на спине. Евреи из запада должны были носить шестиконечные звезды, а из бывшего советского союза круглые желтые латы. Тоже на груди и на спине.

На заводе мы должны были выполнять следующую работу. В цех привезли ящики с аппаратурой, наша задача состояла в том, чтобы вытащить все лампы из аппаратуры и сложить их в ящики. Эти коробки куда-то отвозили на проверку ламп. Нас предупредили, что надо обязательно носить на груди и спине шестиконечные желтые звезды или круглые желтые латы. **ОБЯЗАТЕЛЬНО.** Однажды муж с женой вышли на утреннюю проверку без лат. Их публично расстреляли.

В мае нам объявили, что больше в гетто нас водить не будут

В мае нам объявили, что больше в гетто нас водить не будут. Мы будем жить на заводе. Поселили нас в верхнем бараке рядом с железнодорожной веткой. Однажды я разговорился с одним из коммунистов и спросил, хочет ли он, чтобы Германия проиграла войну. Ответ был — нет. Мы не хотим жить в побежденной стране. Вот такая психология.

Во дворе завода играло много детей. Гаупман Тиз (у него кто-то из родных занимал высокий пост в Рейхе) спасал не только взрослых, но и детей. Пожилых женщин иногда выборочно отвозили на Широкую. Оттуда они уже не возвращались.

Иногда мне удавалось включить приемник и послушать известия из СССР, я их переписывал и отдавал Конюшкову, бывшему работнику Виленского Радиозавода, теперь он был таким же узником, как и я. Куда он их передавал, я не знаю. В октябре 1944 г. нам сказали, что гетто скоро ликвидируют и нас переведут на постоянное жительство на завод. Нам выдали белье и расселили по комнатам в бараках. Мы были изолированы от своих родных, но весточки доходили, и мы знали, что они живы.

В конце октября Ганс Вольф собрал нас и сказал, что гетто ликвидируется, и он повезет нас в гетто за вещами. У меня на руке были швейцарские часы. Я сказал Гансу: «Забери моих родителей, я отдам часы». Ганс сказал, что попробует. Нам очень повезло, ведь он мог просто отобрать мои часы, но он это не сделал.

Нас привезли в гетто. Несколько человек перегнали из машины в машину и сказали, что их отвезут на Широкую. Это значит — на смерть. Гетто было пустым. Осталось очень мало людей, но все они были обречены.

Нас погрузили в машину и отвезли на завод. На заводе каждой семье выделили комнату, и мы стали там жить. Я везде пишу «завод», на самом деле это была воинская часть со своим режимом. Так мы опять остались живы.

Нас поселили в бараке, в комнате были четыре кровати и небольшой столик. По сравнению с условиями в гетто, это были роскошные условия. Барак, где мы жили, находился рядом с тупиковой железнодорожной веткой, ее охраняли 2 солдата. Одного звали Фриц Фрайшлягер, и другого — Фриц, он был докером из Гамбурга. Фриц Фрайшлягер был из Австрии. У него дома осталась жена и четверо детей. Через некоторое время солдаты стали заходить к нам вечерами. Говорили, что хотят побыть в семейной обстановке. Иногда приносили хлеб, искусственный мед, кусок колбасы — экономили из своего пайка. Наша национальность их не интересовала. Гитлер не всех сагитировал. Многие люди оставались людьми.

Конюшков стал приносить нам радиодетали, лекарства. Всё это через солдат передавали Плавинской Александре Игнатьевне, а она переправляла партизанам. Так продолжалось до июня 1944 г. Во второй половине июня началось наступление советских войск. Немцы стали готовиться к эвакуации. Собирали оборудование, кое-что паковали, грузили на машины и увозили. Гаупман собрал нас и сказал, что тех, кто попадет к советским войскам, ожидает тюрьма и длительная ссылка.

В конце июня нас привезли на станцию Масюковщина и после разгрузки стали загонять в вагон с эсэсовцами. Мы думали, что это конец. Мы были последние, человек 20 из 400. В это время налетели советские бомбардировщики-кукурузники и стали бомбить станцию, эшелоны. Поднялась паника — и мы убежали из эшелона в поле, там росла высокая трава, рожь или пшеница. Мы залегли в эту траву и лежали там три дня. На четвертый день утром мы заметили, что стало тихо, летают советские самолеты, и никто по нам не стреляет. Остальных отвезли в Германию и сдали в концлагеря. Оттуда мало кто вернулся, большинство погибло. Я был уверен, что Гюнтер погиб.

Мы послали моего младшего брата в деревню, она была недалеко. Вскоре он вернулся и сказал, что там советские солдаты, но они почему-то в погонах. Оказывается, была введена новая форма. Мы поняли, что свободны после многих лет уни-

жений и страданий. Среди нас были Розиноир и Хауфин, они записались в армию. Последний раз мы их видели, когда они ехали на танке.

Мы пришли в Минск. Поселились у нашего бывшего соседа по довоенной квартире, Мельникова Николая Ивановича. Вроде все закончилось. Но через день немцы прорвались в Минск. Я не помню, как мы оказались в Борисове. Через день объявили, что немецкую группировку уничтожили. Мы вернулись в Минск.

По прибытии в Минск я пошел в военкомат. Спросили, сколько мне лет. Я сказал, что скоро 18 лет. Записали мои данные и сказали, что вызовут, но приходиться надо с паспортом. 10-го июля я оформился на работу электромонтером, где проработал много лет. Но это уже другая история.

Иосиф Грайфер

И так у меня начиналась новая жизнь без фашистов

И так у меня начиналась новая жизнь без фашистов, и можно было начинать с чистого, как говорят, листа.

Образования нет, специальность — «самоучка»; знания — начальная школа. Упущенное надо было наверстывать. Что делать, как начинать, с чего начинать? Таких, как я, было большинство. Особенно после армии и фронта. Я опять пошел в военкомат и просил, чтобы меня взяли в армию. УГОВОРИЛ!

Нас погрузили в эшелон и повезли. Проехали недолго. Эшелон разбомбили. Получил контузию и вернулся в Минск. Из-за контузии долгое время я ходил с наклоненной шеей. Врачи сказали, что это пройдет.

Осенью 1944 года я встретил свою Ниночку

Осенью 1944 года я встретил свою Ниночку. Я увидел ее, когда она выходила из барака. Невысокая, красивая, с большими голубыми глазами. Я спросил: «Как тебя звать, девочка?» Она ответила: «Нина». Я же не знал, что она уже взрослая. И сказал: «Я на тебе женюсь, девочка», и сдержал свое слово.

Я и моя Ниночка. Осень 1944-го

После первой встречи с Ниночкой, я начал за ней ухаживать. Через некоторое время мы начали встречаться. Как я узнал, она немного старше меня. Она перед началом войны, в 1941 году, окончила десять классов. Когда началась война, ее отец сразу ушел добровольцем в армию. Военный опыт у него был. Воевал во время гражданской войны. Мать Ниночки оставалась с четырьмя детьми. Двое из них были грудными. Мать с детьми эвакуировались. С большими трудностями добралась до города Фрунзе в Киргизии. По дороге один ребенок, единственный сын, умер. В городе Фрунзе их встретили не очень

радушно. Во Фрунзе им выдали необорудованную комнату. Там они вчетвером поселились. Жили голодно. Чтобы как-нибудь прокормить детей, мать устроилась на хлебозавод разнорабочей. Появилась возможность приносить детям куски хлеба. Это как-то спасало от голода. Ниночка устроилась на картфабрику. Она хорошо чертила. На картфабрике давали немного супа. Часть супа она приносила детям. В 1942 году немецкими войсками была оккупирована Украина, поэтому Харьковский архитектурный институт был эвакуирован в город Фрунзе. К этому времени во Фрунзе приехал раненый отец Ниночки. Пожил некоторое время и после выздоровления отправился на фронт. По возвращении отца отношение к семье немного улучшилось. Дали комнату. Ниночка без отрыва от работы поступила в Харьковский архитектурный институт. Проучилась там. Когда освободили Минск, она переехала в Минск и перевелась в Минский политехнический институт, который окончила в 1944 году, осенью. В это время мы были уже женаты и у нас был сын Сережа. Я окончил институт осенью 45 года. У Ниночки осталось много школьных друзей. Все они были старше меня, но годы, проведенные в гетто, сделали меня серьезнее, и разница в возрасте не ощущалась.

Мы встречались два года и после решили пожениться. Я был счастлив. Это счастье продолжалось долгую жизнь.

Ниночка училась в институте на втором курсе, а я работал электромонтером-монтажником. У нас была большая разница в образовании. Я понял, что надо догонять и ликвидировать отставание в образовании, тем более что все ее друзья до войны окончили десятилетку. Надо было наверстывать потерянные почти четыре года. Вначале я пошел в вечернюю школу. Через несколько дней после начала занятий был диктант, и в результате — более тридцати ошибок.

Я решил, что это пустая трата времени. Ушел из школы и поступил на подготовительные курсы в университет. Там все учились после 9 класса, а я перед войной окончил 7 классов. Учиться было очень трудно, кроме того, все были после

10-тилетки. Кроме того, я работал, а остальные студенты не работали и имели возможность заниматься дома. Я прозанимался 3 месяца и понял, что ничего из этого не выйдет. Принял решение готовиться самостоятельно. Пошел в Горно и взял направление на сдачу экзаменов, на аттестат зрелости. Вперед было три месяца. Я продолжал работать, ночами занимался, а также надо было еще встречаться с Ниночкой. Мне повезло в 13-й школе, куда меня направили сдавать экзамены на Аттестат Зрелости, одновременно и экзамены для поступления в политехнический институт. Экзамены сдал и стал студентом.

После поступил в Политехнический институт. Вечернего отделения не было, надо было заниматься на дневном. Естественно, требования были в полном объеме, без поблажек. А еще надо было участвовать во всех мероприятиях. Например, в восстановлении разрушенного города. А я еще и притом работал. С утра на работу, а после этого в институт, или наоборот: институт, а потом работа. К концу занятий в институте я на работе уже был ведущим инженером, и вместе с созданной мной бригадой выполнял сложные работы, требующие высокой квалификации. По окончании института мы ездили по всей стране и занимались наладкой электростанций. Работа сложная, интересная, ответственная, требующая большого опыта, поэтому приходилось все время учиться. Это было довольно опасно, т.к. все время были под негласным надзором КГБ. Такие были времена. Но Бог миловал, больших неприятностей не было. Потом мне повезло, я попал на работу в Ленинградское экспериментальное бюро, в котором работали очень квалифицированные инженеры с большим опытом работы, с обширными знаниями: практическими и теоретическими. Они делились со мной знаниями и опытом. Эти люди всегда говорили: «Не стесняйся спрашивать». Знания оказались неоценимыми, они мне очень пригодились в жизни. Это бюро находилось в Ленинграде. Люди, которые там работали, были интеллигентами. Я очень многое перенял у них и понял, что надо всегда учиться технике и культуре.

Спустя некоторое время, моя жизнь резко изменилась

Спустя некоторое время, моя жизнь резко изменилась. Меня направили работать на многоэтажные подземные сооружения. Это были устройства управления ракетами дальнего действия. Они были на разных территориях Советского союза. Мне оформили допуск для секретной работы и предупредили никогда никому ничего не рассказывать, что это и где находится. Моя задача: обеспечение жизнедеятельности, в частности электроэнергией. Все было хорошо, но когда приезжала приемная комиссия, начинались разборки. От меня требовали невозможного. Чего не было и не могло быть. Комиссия в основном состояла из старших офицеров, а я был старший лейтенант. Спорить со старшим по званию было невозможно

В один из проездов через Москву, я подал раппорт с просьбой освободить меня от этой работы и указал причину. Меня не уволили, присвоили звание майора. Стало легче спорить с подполковниками и полковниками — членами приемной комиссии. Так продолжалось достаточно долго. Но было одно обстоятельство. Я был дома максимум одну неделю, а то и меньше. Затем поступал приказ выехать в Москву или в Ленинград, а оттуда на объект. Жене это надоело, и она потребовала: «Увольняйся!» Добился увольнения в запас. Теперь я был дома, но материально стало тяжелей.

Отец и мать вместе. Будни послевоенного времени. Минск, 1948

Снова стал работать в Ленинградском проектно-экспериментальном бюро. Это была очень интересная работа, но сложная. Это также была хорошая школа. Я очень благодарен людям, с которыми я работал. В результате стал хорошим, грамотным специалистом. Спасибо им огромное!

До войны я играл на мандолине, и меня учили игре на пианино, а также неплохо пел. Говорили, что у меня хороший тембр голоса.

Война все перечеркнула. В гетто неслышно было ни музыки, ни пения. После погрома 20 мая 41 года я дал зарок, если останусь в живых, не петь 25 лет. Я свой зарок выполнил. Но музыка меня интересовала. Был такой случай. Я был в Ленинграде. Там жил брат Ниночкиной матери. Однажды он сказал, что в Ленинграде часто выступает певец Борис Штоколов, и он твой двойник. Я пошел на концерт Штоколова и убедился, что мы очень похожи. Во время антракта я вышел в фойе. Ко мне подбежала толпа людей просить автограф. Так я убедился, что мы действительно похожи.

Мне было 69 лет, когда я ушел на пенсию. Техника бурно развивалась. Появились новые электронные элементы, станки с программным управлением, автоматические линии. У меня было много подчиненных инженеров. Все моложе меня, а чтобы руководить, надо быть на уровне, и я решил, что с меня хватит. Надо отдыхать.

Первый отпускной месяц прошел спокойно. В феврале позвонил и представился Шерлинг Михаил Абрамович — заместитель генерального директора акционерного общества «Пярун», предложил прийти у них работать. Им нужно было помочь построить подстанцию. Но я уже работать не собирался. На этом разговор прекратился.

Шерлинг оказался настойчивым. Стал часто звонить. Через 3 месяца я сдался и приехал поговорить. Все акционерное общество находилось на улице Горького в двух комнатах. Сидели четыре человека, один из них спросил:

— Вы Грайфер? Я Шерлинг, это я вам звонил.

— А это Маховиков Олег Константинович — генеральный директор, и Карась Владимир Николаевич — зам. генерального директора, — представил он.

— Зачем меня пригласили? — спросил я.

— Нам очень требуется технически грамотный специалист — главный энергетик, — сказал директор.

Я сказал, что подъеду и напишу, что надо делать. Поехал по указанному адресу (деревня Кунцевщина). На указанной территории стоял бывший коровник. Пол земляной. Я понял, что предстоит большой объем работы. Комплектация, монтажные работы. Наладочные работы. Согласование в Энергосбыте и Энергонадзоре. Кроме того, на предполагаемое место работы не всегда легко добираться. Учитывая все это, я решил отказаться, сказав Шерлингу. Возраст уже не позволял так далеко ездить на работу. Все присутствовавшие принялись уговаривать меня. Уговорили. Подобрали несколько электромонтеров по объявлению, началась работа. Набросал проект, согласовал в Энергонадзоре. Учитывая, что меня в кругу энергетиков знали, это большой трудности не создало.

Начал подбор оборудования для подстанции. В этом сильно помог мой сын Сергей. Не далеко от коровника (от будущего цеха) стояла столбовая подстанция. От нее было подведено временное питание. Это нас выручало долгое время, до тех пор, пока не была оборудована своя подстанция. Работы было много, забот достаточно. Надо отметить внимательное и доброжелательное, даже дружеское отношение руководства. Это было во все время нашей дальнейшей работы. Как я убедился, генеральный директор — хороший и грамотный инженер. С ним было всегда интересно работать. После подборки оборудования и доставки его на предприятие, распоряжения директора строительную часть привели в надлежащий порядок. Договорился с монтажниками о производстве монтажа. Приобрели 2 силовых трансформатора б/у. Без паспорта и протоколов испытаний. Договорился с начальником цеха по производству силовых трансформаторов на электротехническом

заводе. Завезли туда трансформаторы и через некоторое время получили паспорта и протоколы испытаний. Договорился с наладчиками о производстве необходимых испытаний и измерений. Когда все было готово, пригласил комиссию энергонадзора и кабельных сетей. Составили протокол о приемке подстанции в эксплуатацию. Занялись высоковольтными кабелями. В связи с тем, что кабели по трассе тянули трактором, хлорвиниловая оболочка во многих местах была повреждена. Пришлось вскрыть, раскопать кабель по всем 2 трассам. Руками все прощупать и восстановить поврежденные места. Пригласили электролабораторию, и после испытаний получили разрешения для подключения к энергосистеме. Пока производились и решались вопросы по подстанции, я разработал вводные цеховые устройства для подключения питания от ПСТ. К тому времени, когда на подстанцию было подано напряжение, все было готово. Был заказан проект расстановки оборудования и приглашена монтажная организация. На этом я считал, что моя миссия закончена. Но руководство решило иначе, и меня попросили продолжить работу. Пришлось остаться, как оказалось, еще на 17 лет. Пригласил к нам главного энергетика завода Вавилова. Он согласился и был назначен заместителем главного энергетика по вопросам водоснабжения, отопления, вентиляции, воздуха и канализации. Это была хорошая кандидатура. Я проводил систематические занятия. Создался хороший коллектив службы главного энергетика. Была организована хорошая служба главного механика. Следует отметить хорошее руководство генерального директора и всего руководства. У руководства были грамотные специалисты и хорошие организаторы. Электрики и сантехники у нас тоже были.

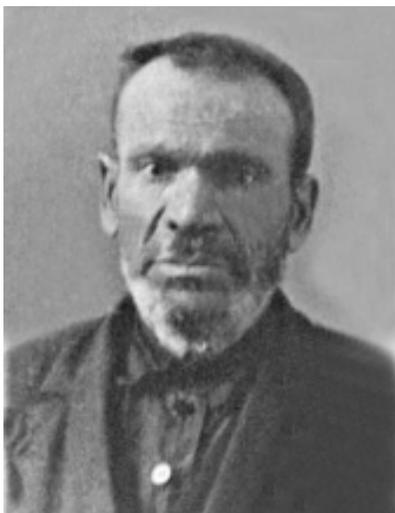
Но как в дальнейшем работать? Запчастей для ремонта в дальнейшем электрооборудования инструмента нет. Я поехал к моим приятелям, главным энергетикам тракторного, автомобильного, подшипникового, моторного и инструментального заводов. Со мной поделились, и первое время можно было работать.

Со временем, благодаря руководству, предприятие развивалось и расширялось.

Был достроен первый цех, построен второй корпус и многое другое. Кроме изготовления тэнов и трубчатых электронагревателей, было организовано производство стальных труб. Впоследствии это стало отдельным предприятием. Я думаю, что воспоминания все трудно восстановить. Возможно, пришла пора написать отдельные воспоминания. Это может быть отдельный материал. И, как я думаю, очень интересный.

Воспоминания не идут по порядку

Воспоминания не идут по порядку. То одно вспомнится, то другое. И вспомнилось о моих дедах, папином отце и маминном. Папин отец жил в Минске, а мамин — в Витебске.

Дед Теодор. Минск, 1934

*Отец моей матери, Мендель.
Витебск, 1935*

Папин отец вступил в компартию в начале века и за коммунистическую пропаганду и участие в стачке 1905 года сидел в тюрьме. Потом всю жизнь работал рабочим. Глубокой

осенью 1936 г. он был вызван на заседание парт комиссии при ЦК ВКПБ и исключен из партии как лицо ничего партии не дающее — «балласт». Это было глубокой осенью. Дед без пальто и шапки пошел домой, сильно простудился, заболел воспалением легких, которое потом перешло в туберкулез, и через год умер. Его фактически убили партийные чиновники, он не перенес исключения из партии.

Про отца матери я почти ничего не знаю.

Он с семьей жил в Витебске. Семья была большая — пять дочерей и один сын. Дед гнал самогон. Рассказывают, что однажды к нему пришли с проверкой. Дед попытался спрятать под печку голову, а все остальное было на виду. Его вытащили и оштрафовали. Он потом говорил, что кто-то его сдал властям.

Послесловие

12 июля 2011 года мне исполнилось 85 лет. Я понял, что времени у меня осталось мало. Надо завершать воспоминания.

Мою жизнь я могу разделить на четыре этапа

Первый этап — довоенное время.

Детство, учеба в школе, где у меня было много друзей, а так же и вне её. Национальность для нас не имела никакого значения. Мы не знали, что это такое. Главной была дружба. Мы зимой ходили на лыжах на большие расстояния, вечером катались на коньках на стадионе, купались в озерах, ходили в леса. Я посещал дворец пионеров, занимался там в авиамodelьном кружке, стрелковом, в спортивной секции.

Второй этап — война.

После нашей неудачной попытки эвакуироваться, мы вынуждено вернулись в Минск и попали в гетто. Наша квартира оказалась именно там. Вещей не было, все исчезло. Выручили мои друзья и друзья отца, которые жили вне гетто, не евреи. Они, рискуя жизнью, пролазили через ограждения гетто и проносили нам еду и одежду. Дружба была крепче фашизма.

Третий этап — учеба.

После нашего побега с нацистского эшелона началась другая жизнь.

В сорок пятом поступил в институт. После окончания стал инженером-электриком. Много работал и учился. Стал хорошим специалистом. Руководил многими сложными работами.

Четвертый этап — семья.

*Вместе с Ниночкой и ее сестрами Натальей и Зоей.
Минск, 2007*

В 1946 году мы с Ниночкой поженились, прожили в любви и согласии 65 лет. Я безумно любил свою жену, с которой мы родили двух сыновей. Они тоже инженеры-электрики. У нас три внука, одна внучка и один правнук.

Моя жена умерла 29 декабря 2009 г. У меня был сильный стресс, я думал, что не переживу, отнялись ноги. Психотерапевт заново учил меня ходить. Но полностью восстановиться не получается.

Я могу смело сказать, что я выполнил свою миссию на этой земле. Приобрел много друзей, но в голове и сердце также старые друзья, которых уже нет.

Следует добавить... После войны я видел, как пострадал немецкий народ. Много вдов, очень много сирот.

Благодарю за помощь в работе над воспоминаниями: Эдуарда Самойлова, Анну Марушкевич и Екатерину Дудко и Кузьму Козака.

Минск, 2012

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Распоряжение полевой комендатуры о создании гетто в г. Минске

г. Минск

19 июля 1941 г.

1. С изданием настоящего распоряжения в г. Минске выделяется специальная часть города исключительно для расселения евреев.

2. Все еврейское население города Минска в течение 5 суток после оглашения настоящего распоряжения обязано переселиться в еврейский район. Если кто из евреев после истечения этого срока будет обнаружен вне еврейского района, то будет арестован и строго наказан.

3. Переселяемым разрешается брать с собой свое личное имущество. Лица, пойманные при вывозе или хищении чужого имущества, будут расстреливаться на месте.

4. Еврейский район ограничивается следующими улицами: Колхозный переулок, ул. Колхозная, река Свислочь, ул. Немига, исключая православную церковь, ул. Республиканская, ул. Шорная, ул. Коллекторная, Мебельный переулок, ул. Перекопская, ул. Низовая, Еврейское кладбище, ул. Обувная, 2-й Опанский переулок, ул. Заславльская до Колхозного переуллка.

5. После окончания переселения еврейский жилой район должен быть обнесен каменной стеной и огражден от остальной части города. Стена должна быть воздвигнута жителями еврейского района. Для этого используется кирпич из жилых и разрушаемых зданий.

6. Пребывание вне еврейского района мобилизованным в рабочие команды евреям запрещается. Рабочие команды покидают еврейский район только со специальным направлением к месту работы, выдаваемым Минской городской управой. За нарушение настоящего распоряжения — расстрел.

7. Вход и выход евреям в еврейский район разрешается только по улицам Опанского и Островского. Перелезть через стену запрещается. Немецкой охране и вспомогательной полиции отдан приказ стрелять в нарушителей.

8. В еврейский жилой район разрешается доступ лишь евреям и по служебным делам военнослужащим немецких воинских формирований и сотрудникам Минской городской управы.

9. На еврейский совет наложен заем в 30.000 червонцев на компенсацию расходов, связанных с переселением. Указанная сумма, процентный взнос которой будет урегулирован позднее, в течение 12 часов после оглашения настоящего распоряжения должна быть внесена в городскую кассу управы по ул. Карла Маркса, 28.

10. Еврейский совет немедленно предоставляет жилищному отделу сведения обо всех оставленных евреями квартирах вне еврейского района, которые еще не заняты арийским (не-еврейским) населением.

11. Порядок в еврейском жилом районе поддерживают специальные еврейские дружины порядка, приказ о создании которых будет издан в свое время.

12. За окончательное переселение еврейского населения в отведенный район несет ответственность еврейский совет города Минска. Всякое нарушение настоящего распоряжения строжайше наказывается.

Комендант полевой комендатуры города Минска

НАРБ. Ф. 4683. Оп. 3. Д. 937. Л. 6—7; Ф. 359. Оп. 1. Д. 8. Л. 1—2.

Из сообщения № 31 полиции безопасности и СД о создании еврейского совета (юденрата)

г. Минск

23 июля 1941 г.

Решение еврейского вопроса во время войны на этой территории кажется неосуществимо, так как при огромном количестве евреев решить его можно только путем переселения евреев. Однако чтобы создать на ближайшее время сносную базу, айнзатцгруппой «Б» везде, где она до сих пор осуществляла свою деятельность, приняты следующие меры.

В каждом городе был назначен временный председатель еврейского совета, которому поручено создать еврейский совет в количестве от 3 до 10 человек. Еврейский совет полностью несет ответственность за поведение еврейского населения. Кроме того, он незамедлительно должен начать регистрацию всех евреев, проживающих в населенном пункте. Более того, еврейский совет должен создать трудовые группы из числа евреев в возрасте от 15 до 55 лет, которые должны трудиться на разборке развалин города и на других работах для немецких учреждений и воинских частей. В таких же возрастах создаются и еврейские женские группы.

Так как немецкий солдат не всегда безошибочно может отличить евреев от нееврейского местного населения, в некоторых случаях возникали недоразумения, то повсюду отдано распоряжение, чтобы евреи — мужчины и женщины в возрасте от 10 лет и старше немедленно носили на груди и на спине одежды желтые нашивки.

Еврейский совет подчиняется временным городским комиссарам. На должности городских комиссаров были назначены надежные белорусы, подобранные и предложенные айнзатц-командами.

Первоочередной и трудноразрешимой проблемой в связи с огромным количеством евреев является размещение их в гетто. Эта работа уже проводится. Совместно с полевыми и мест-

ными комендатурами уже подобраны пригодные для этих целей городские кварталы.

Хозяйственная жизнь с разрушениями и разграблениями на первых порах была парализована. Некоторые предприятия в Минске и в Борисове уже вводятся в строй. Сельское производство в связи с реквизициями и хищениями затруднено, отчего сильно страдает продовольственное снабжение населения. Деньги здесь пока не имеют значения, оплата производится хлебом.

С командующим тылом группы армий достигнута полная договоренность и единодушие в части обращения с партизанами и бывшими солдатами в гражданской одежде.

Начаты крупные операции с участием полиции безопасности и СД. Они будут проводиться беспощадно.

14.07.1941 г. уже сообщалось об уничтожении 4.234 человек. На 19.07.1941 г. число ликвидированных увеличилось еще на 3.386 человек.

НАРБ. Ф. 4683. Оп. 3. Д. 943. Л. 88—89. Перевод с немецкого.

Из оперативной сводки № 92 полиции безопасности и СД о проведении истребительной акции в Минском гетто

23 сентября 1941 г.

Белоруссия:

...Прочесывание гетто в Минске.

С привлечением полиции службы порядка и при помощи полевой жандармерии в гетто проведена крупная акция. Были арестованы около 2.500 евреев, в том числе женщин. Из них в течение 3-х дней всего подвергнуты экзекуции 2.278 чел.

Речь идет исключительно о саботажниках и еврейских активистах. Среди них, между прочим, находилось очень много тех, кто не носил на одежде предписанные отличительные знаки.

НАРБ. Ф. 4683. Оп. 3. Д. 1065. Л. 190; МКФ. Арх. № 175, К. 72379—72380. Перевод с немецкого.

Приказ № 24 коменданта Белоруссии об уничтожении евреев и цыган

г. Минск

24 ноября 1941 г.

...Евреи и цыгане: приказы № 9 от 28.09.1941, п. 6; № 11 от 04.10.1941 г. п. 2. в, № 13 от 10.10.41 г., п. 18. Как указано в приказах —евреи должны исчезнуть с лица земли, также и цыгане должны быть уничтожены. Проведение операций против евреев в более крупных масштабах не являются задачей частей дивизии. Операции проводятся гражданскими и полицейскими частями по приказу коменданта Белоруссии, если в ведение его будут переданы спецчасти... Небольшие группы евреев можно уничтожать или передавать в гетто, где затем они будут переданы гражданскому управлению или СД.

Барон фон Бехтольсхайм

НАРБ. Ф. 378. Оп. 1. Д. 698. Л. 32. Перевод с немецкого.

Из сообщения № 178 полиции безопасности и СД об антиеврейской акции в г. Минске

г. Минск

9 марта 1942 г.

Командир Гофман приказал с 1 по 3 марта провести в Минске и Койданово большую акцию против русских евреев обо­его пола. Для сохранения в тайне намеченного мероприятия юденрату было сообщено, что 5000 евреев из гетто будут «переселены», они должны быть отобраны юденратом и собраны для отправки, каждый из евреев мог взять с собой багаж весом в 5 кг. Подлинная задача, стоявшая перед начальником полиции безопасности и СД, была сохранена в тайне. Когда утром 1 марта 1942 г. гетто было окружено, ни один еврей не был представлен юденратом к отправке. Поэтому были введены в действие команды для освобождения от евреев части гетто. Только после этого евреи были собраны и длинной колонной направлены на ст. Минск—Товарная. Многие не оставляли добровольно свои жилища либо постарались избежать отправки. По отношению к ним была применена сила, а некоторые из них были расстреляны на месте. После очистки гетто в домах и на улицах лежало много трупов, позже они были убраны. На станции люди были погружены в вагоны, которые затем были соединены в длинный состав, который был направлен в Койданово, местечко в 30 км юго-западнее Минска, на железной дороге Минск—Барановичи—Брест—Литовск.

На следующий день, 2 марта 1942 г., все подразделения полиции безопасности и СД направлялись для расстрела пассажиров поезда. Для акции вблизи Койданово было подготовлено много траншей. Вначале евреев выгрузили из вагонов, затем разделили на небольшие группы, и под охраной литовцев они были доставлены к траншеям. При этом применялась сила. Здесь им было приказано снять пальто и верхнее платье. Это было сделано для облегчения стрельбы. Затем евреям было приказано идти вдоль траншей, около которых стояли стрел-

ки, вооруженные пистолетами. Команда стрелков насчитывала 10—20 человек. Каждый стрелок периодически выбирал себе жертву — при этом он приказывал человеку остановиться или останавливал его рукой. Если жертва находилась в удобной позиции, солдат стрелял ей в затылок. Если после выстрела человек не падал в траншею, его толкали в нее или вбрасывали туда.

Траншеи были столь широки, длинны и глубоки, что они, по меньшей мере, могли вместить многие сотни трупов.

Группы евреев, находившиеся вдали от траншей, слышали выстрелы и могли понять, что уже началась массовая экзекуция, жертвами которой должны были стать и они. Позже, когда они увидели траншеи и лежавшие в них трупы, по крайней мере взрослым, становилось ясно, что им предстоит. Многие бежали, кричали и плакали, большинство покорилось судьбе без воплей и причитаний. Врача, который должен был констатировать смерть, не было. Однако обращалось внимание на то, чтобы пристреливать тех, кто еще шевелился, или если возникало подозрение, что кто-то еще не был убит.

В этот день не удалось расстрелять всех людей. Поэтому экзекуция была продолжена 3 марта 1942 г. Всего были убиты не менее 3 тысяч человек. Сколько из них были расстреляны 2 марта и сколько 3 марта — не было установлено, однако ясно, что были расстреляны не менее 1000 человек.

Согласно сообщению № 178 от 9 марта 1942 г. во время акции, проведенной в Минске—Койданово 2—3 марта 1942 г., были расстреляны 3412 евреев.

...Проведенная 03.03.1942 г. в Минске акция против евреев дала повод городскому населению предполагать, что в последующие недели будут произведены еще более крупные акции против евреев по всей Белоруссии.

Федеральный архив Кобленца 9кс/62. Дела юстиции и нацистских преступлений. Т. 19. Текущий № 552. Ксерокопия. Перевод с немецкого.

Из обзора комиссара криминальной полиции оберштурмфюрера Буркхардта о положении немецких евреев в Минском гетто

г. Минск

1942 г.

Особое место при решении еврейской проблемы занимают 7000 немецких евреев, доставленных в минское гетто. Эти евреи размещены в различных частях гетто и по желанию генерального комиссариата отгорожены от районов, где проживают русские евреи, колючей проволокой. И на сегодняшний день получилось, что немецкие евреи не только окружены проволочным ограждением, но отгорожены от русских, а в целом гетто еще не окружено проволокой.

Хотя среди немецких евреев меньше специалистов, но учитывая их знание языка и более культурный уровень, к ним нужно относиться мягче, чем к русским евреям. Интересны следующие данные, которые отражают картину живой жизни в немецком гетто: в гетто немецких евреев насчитывается 7000 евреев. Среди них 1800 человек работоспособных. Из них около 900 человек в настоящее время не могут быть использованы на работе из-за болезней, связанных с недоеданием. Болезни, в основном, следующие:

370 — дизентерия

102 — обмороживание

135 — гнойные раны

210 — конъюнктивное воспаление глаз

25 — воспаление легких

63 — грипп и ревматические болезни

30 — болезни мочевого пузыря.

Эти данные по состоянию на 31 декабря 1941 года. Аналогичные вышеприведенным заболевания и в гетто для русских евреев, с той разницей, что здесь процент заболеваний, по общему признанию, еще более высок.

Немецкие евреи в Минске особенно благодарны заботе, которую оказывает им господин главный комиссар гауляйтер

Кубе. При посещении Кубе... в ноябре 1941 года гетто он узнал, что родственники некоторых из евреев сражаются на фронте. Заинтересовавшись этим, он обещал, что доложит об этом фюреру гетто для берлинских евреев.

Гауляйтер Кубе обратил внимание на внешность двух еврейских девушек, которые похожи на ариек. Он распорядился политическому руководителю установить личность девушек и выписать из гетто. Одна из них работала затем в генеральном комиссариате, совмещая работу стенографистки и парикмахера, при этом ей было разрешено ходить без «звезды», чтобы не оскорблять чувства немцев, которые брились у нее, и не раздражать их зрелищем еврейской «звезды».

Старейшина еврейского гетто был принят генеральным комиссаром, и ему была предоставлена широкая возможность изложить свои жалобы. Перед этим его заместитель жаловался, что один из старых членов партии угрожал избить его, а то и пустить пулю в лоб. Многочисленные жалобы также поступали со стороны еврейского совета на гаутштурмфюрера штаба СС и руководителей полиции, что они избивают евреев за неудовлетворительную работу.

Принимая во внимание неоднократные заявления еврейского совета о чрезвычайно плохом питании обитателей гетто, обсуждался вопрос о передаче снабжения и содержания вермахту, руководитель финансового отдела вермахта заявил при этом, что на фоне тех поставок продовольствия, которые имеет вермахт, содержание 7000 евреев не представляет никаких трудностей.

Большинство немецких евреев после прибытия в Минск полагали, что ехали сюда с целью колонизации восточных пространств. Но после того, как их согнали в гетто, где они длительное время подвергались плохому обращению, распространились слухи, что их переселение — явление временное, и после окончания войны им разрешат вернуться в Германию. Этой версии, которая облегчает им преодолевать повседневные трудности, придерживается большинство евреев, лишь незначитель-

ная часть явно представляет свое будущее, но не осмеливается говорить об этом вслух.

И в этой обстановке проявилась поразительная, свойственная евреям способность приспособливаться, которую они пытаются направить на то, чтобы несколько облегчить себе жизнь.

Так, например, брюнеры в условиях, насколько было возможно, организовали еврейское варьете, куда собрали относительно хорошие силы.

Из разговоров самих евреев можно заключить, что в гетто продолжается половая жизнь. Трудно сказать является ли это самоцелью или заботой о жизнестойком потомстве.

Большая скученность евреев в гетто на небольшом пространстве, естественно, создает благоприятную обстановку для распространения заразных болезней.

С наступлением ранней весны это необходимо учесть, так как гетто является очагом заразных заболеваний, откуда заболевания могут переброситься не только на белорусское население, но и на немецких граждан и армию.

Проведенная в январе 1942 года внутри немецкого гетто кампания шерстяных изделий дала следующие результаты:

- пальто — 329
- жакеты — 159
- изделия из меха — 128
- муфты — 300
- меховые воротники — 2146
- меховые шапки — 100
- боа (воротники) — 440.

Уничтожение евреев в больших масштабах, если бы это и позволяли интересы экономики, в настоящее время из-за климатических условий невозможно: сильно промерзшая земля затрудняет рытье могил и погребение.

Буркхард

оберштурмфюрер СС и уголовный комиссар

НАРБ. Ф. 1216. Оп. 1. Д. 3. Л. 253—261. Перевод с немецкого.

Протокол осмотра местности массовых захоронений в районе еврейского кладбища г. Минска

24 июля 1944 г.

Мною, врачом Мельниковой Евгенией Ивановной, в присутствии инженера-землеустроителя Минского ОблЗО Шафранского и местного жителя Иоффе произведен осмотр вышеуказанного места и обнаружено нижеследующее.

С южной и юго-западной стороны еврейского кладбища обнаружены 4 массовые могилы, расположенные при дороге, ведущей из центра города Минска на урочище Тучинка, в 2-х метрах от дороги. Причем три из них расположены параллельно дороге с юго-западной стороны и четвертая под углом к ним с южной стороны.

При обмере могилы оказались следующими:

первая могила длиной 18 метров и шириной 5 метров

вторая могила длиной 14 метров и шириной 5,5 м

третья могила длиной 15 метров и шириной 5,5 м

четвертая могила длиной 18 метров и шириной 6 метров.

При обследовании ближайшей местности обнаружить другие могилы не представляется возможным в виду застройки этой территории специальным сооружением. Наличие же других ям несомненно подтверждается свидетелями стройки, которые обнаруживали трупы в массовом количестве.

Государственный архив Минской области. Ф. 7021. Оп. 87.
Д. 123. Л. 85.

Список публикаций о Минском гетто

1. Ад на Немиге: [О Мин. гетто] // Новая нар. газ. 1994. 1 июля. (№ 8—9). С. 4.
2. Айзенштадт Г. У Минского гетто нет «своего Евтушенко» // Евр. камертон. Прил. к газ. «Новости недели». 2001. 19 июля. С. 12.
3. Антонова-Мельянович Т. Территория боли // Труд. 3—9 марта 2005. № 36. С. 13
4. Архив Хаси Пруслиной: Минское гетто, антифашистское сопротивление, репатриация детей из Германии. Сост.: З.Д. Никодимова, под ред. К.И. Козака. Минск, 2010. — 134 с.
5. Басін Я. 2 сакавіка 1942 года: [Аб знішчэнні яўрэяў у Мінску] // Звязда. 1996. 5 сак. С. 11.
6. Бейлина С. [Письмо бывшей узницы Минского гетто] // Книга спасения / Авт.-сост. и лит. запись Л. Коваль: В 2 т. — Юрмала, 1993. С. 110.
7. Ботвинник М. «Каждую ночь немцы хватали людей...»: [О Мин. гетто] // Вечерний Минск. 1995. 14 марта. С. 5.
8. Ботвинник М. Памятники геноцида евреев Минска // Ботвинник М. Памятники геноцида евреев Беларуси. — Минск: Бел. навука, 2000. С. 11?29.
9. Батвінік М. Трасцянецкая трагедыя: [Аб Трасцян. лагеры смерці] // Голас Радзімы. 1999. 9 жн. (№ 32/33). С. 2.
10. Брандобовская Л. Родом из гетто: [О фильме о Мин. гетто «Яма. Я родом из гетто»] // Авив. 1999. № 6. С. 3.
11. Бурштейн М. Святая деревня Поречье: [Жители деревни в годы Великой Отеч. войны спасли 40 детей, бежавших из Мин. гетто] // Авив. 2000. № 10 (окт.). С. 1.
12. Бурый М. В тринадцать мальчишеских лет...: [О бывшем узнике Мин. гетто, юном партизане В. Рубежине] // Авив. 1998. № 6. С. 5.
13. Вайц И. Евреи Минска во время второй волны уничтожения // Вайц И. Катастрофа европейского еврейства: Ч. 7: Катастрофа евреев на территории Советского Союза / Открытый ун-т Израиля. [Тель-Авив], 2000. С. 103—109.
14. Вайц И. Ликвидация Минского гетто // Вайц И. Катастрофа европейского еврейства: Ч. 7: Катастрофа евреев на территории Советского Союза / Открытый ун-т Израиля. [Тель-Авив], 2000. С. 117—120.
15. Вайц И. Минск: еврейская община под властью оккупантов // Вайц И. Катастрофа европейского еврейства: Ч. 7: Катастрофа евреев на территории Советского Союза / Открытый ун-т Израиля. [Тель-Авив], 2000. С. 68—85.

16. Василевская Д. Пани Мария: [О М.И. Комаровской, спасавшей евреев в годы Великой Отеч. войны; г. Минск] // Авив. 2000. № 9. С. 4—5.
17. Выжить — подвиг: воспоминания и документы о Минском гетто / сост., предислов.: И.П. Герасимова, В.Д. Селеменев. Минск: НАРБ, 2008. — 166 с.
18. Гай Д. Десятый круг: Повести. — М.: Совет, писатель. 1991. — 314 с.
19. Гальбург А. Воспоминания. — Минск: Энциклопедикс, 2000. — 64 с.
20. Гальбург А. Выживший в аду: незабываемое. — Минск, 2003.
21. Гебелева С. Таким был Михаил Гебелев: [Об участнике мин. подполья] // Авив. 1993. № 6 (окт.). С. 3, 6.
22. Гебелева С. Долгий путь к заветной улице. Минск: И.П. Логвинов, 2010. — 164 с.
23. Гельцер Ш. Редкая книга: [По материалам кн. воспоминаний Ю. Маковского «Wehrmachtgefølge», изд. в Польше в 1961 г: Страницы, посвящ. евреям Минска в период оккупации] // Евреи Беларуси: История и культура: Вып. 3—4. — Минск: Арти-Фекс, 1998. С. 181—186.
24. Герстен Б. Пока есть память: [Об открытии мемориала жертвам Холокоста в Минске 10 июля 2000 г.] // Авив. 2000. № 7—8. С. 2—3.
25. Грайфер Иосиф Авсеевич / подготовила Алеся Беланович // Спасенная жизнь: Жизнь и выживание в Минском гетто / состав. Балакирев В.Ф. [и др.]. Минск: ООО «Лимариус», 2010. С. 44—55.
26. Гришкевич А. Подвиг жителей Поречья // Пухавіцкія навіны. 23 верасня 2000. С. 2.
27. Гуткович Е. Женщина немецкого обер-лейтенанта: [Беседа о организатором побега евреев из оккупир. Минска Е. Гуткович / Записала М. Загорская] // Биржи и банки: Бел. деловая газ. 2000. 19 июля. С. 14.
28. Давыдова Г.Р. От Минска до Ла-Манша, или Дорогами Холокоста: Док. повесть. Минск: Четыре четверти, 2000. — 232 с.: ил.
29. Дзядзюля А. Даніна пакутнікам: [Пра адкрыццё помніка ахвярам Мін. гета] // Чырв. змена. 2000. 18 ліп. С. 6.
30. Жива... Да, я жива! Минское гетто в воспоминаниях Майи Крапиной и Фриды Рейзман. Материалы и док. / Сост. М.И. Крапина, Ф.В. Рейзман. Выпуск второй. — Минск, 2005. 258 с. + 26 с ил.
31. Жизнь и гибель Минского гетто // Авив. 2003. № 10. 19 окт.
32. Жукова М.И. Война причиняет мне боль / под ред. К.И. Козака. Минск: И.П. Логвинов, 2010. — 212 с.

33. Завольнер Г. Жизнь, дарованная судьбой. — Минск, 2005.

34. Завольнер Г. Минское гетто: трудный путь к спасению // Лагер смерці Трасцянец 1941—1944 гг.: памяці ахвяр нацызма ў Беларусі. С. 182—190.

35. Заглянувшие в смерть (дети — узники гетто) // Левин В., Мельцер Д. Черная книга с красными страницами: (Трагедия и героизм евреев Белоруссии). — Балтимор, 1996. С. 343—414. В содерж. авт.: Басин Я., Резник И., Ямин Ю., Левин (Новиков) И., Налибоцкий Д., Налибоцкий С., Ставицкая С., Давыдова Г., Липский Ф., Эпштейн Х., Крапина (Левина) М., Општейн Д.

36. Из воспоминаний М.И. Левиной-Крапиной, узницы Минского гетто // Трагедия евреев Белоруссии в 1941—1944 гг. Минск, 1995. С. 154—156.

37. Известная «Неизвестная». Сборник материалов. Сост. и ред. Я.З. Басин. Минск, 2007. — 138 с.

38. Иоффе Э.Г. Белорусские евреи: трагедия и героизм: 1941—1945. Минск, 2003.

39. Иоффе Э. 800 дней борьбы и боли: [О Мин. гетто] // Веч. Минск. 1998. 21 окт. С. 5.

40. Иоффе Э.Г. Выжили, чтобы отомстить: [О евреях-партизанах, бывших узниках Мин. гетто] // Знамя юности. 1993. 22 окт.

41. Иоффе Э. Гетто: [О Мин. гетто] // Во славу Родины. 1991. 17 дек.

42. Иоффе Э. Гетто — территория борьбы: [О подполье в Мин. гетто] // Совет. Белоруссия. 1996. 29 окт. С. 4.

43. Иоффе Э. Гибель Минского гетто // Веч. Минск. 1993. 12 окт.

44. Иоффе Э.Г. Друзья называли Марию «Лилией»: [О Марии Калининой, спасавшей узников Мин. гетто] // Семь дней. 2000. 6 мая.

45. Иоффе Э. Живи и помни: [21—23 окт. 1943 г. фашистами было уничтожено Мин. гетто] // Совет. Белоруссия. 1998. 23 окт.

46. Иоффе Э. Еврейские беженцы из Польши в начальный период войны (1939—1940 гг.) // Другая сусветная вайна: новыя аспекты даследаванняў. Матэр. міжнар. навук. семінара 1 верасня 2003 г., Мінск. Адк. рэд. В. Ф. Балакіраў, К. І. Козак. С. 27—31.

47. Иоффе Э.Г. Иностранцы евреи в Тростенском лагере смерти / Под ред. М. И. Богдана. — Минск, 2000. — 28 с.

48. Иоффе Э. Их называли «зоринцами»: [О партиз. отряде № 106, где сражались бывшие узники Мин. гетто, и их командире Шоломе Зорине] // Совет. Белоруссия. — 2000. — 21 дек.

49. Иоффе Э. Кровавая трагедия: [О послед. погроме в Мин. гетто] // Мін. праўда. 1993. 21 кастр.
50. Иоффе Э. Отряд из легенды: [О партиз. отряде им. Кутузова, состоявшего из узников, бежавших из Мин. гетто] // Совет. Белоруссия. 2000. 18 нояб.
51. Иоффе Э. Погром: [О погроме в Мин. гетто 28–31 июля 1942 г.] // Веч. Минск. 1997. 29 июля.
52. Иоффе Э. Погром, самый страшный: [О погроме 28–31 июля 1942 г. в Мин. гетто] // Во славу Родины. 1993. 7 окт.
53. Иоффе Э.Г. Погромы в Минском гетто // Бел. нива. 1993. 22 окт., 26 окт., 27 окт.
54. Иоффе Э.Г. Просто Мария: [О Марии Калининой, спасавшей узников Мин. гетто] // Рэспубліка. 1998. 7 сак.
55. Иоффе Э.Г. Трагедия и героизм: [О Мин. гетто] // Во славу Родины. 1993. 27 окт.
56. Иоффе Э. Трагедия и героизм Минского гетто // Добры вечар. 1991. 21 кастр.
57. Иоффе Э. Трагические рейсы: [О Мин. гетто] // Мін. праўда. 1992. 11 жн.
58. Иоффе Э. Узник № 21: Судьба человека, родившегося в рубашке: [Об узнике концлагеря Тростенец Г. Канторе] // Рэспубліка. 1995. 21 лістап. С. 6.
59. Иоффе Э. «Это был кошмар, это был ад!»: [О Мин. гетто] // Веч. Минск. 1992. 31 июля.
60. Иоффе Э. Это было 2 марта [1942 года: О Мин. гетто] // Совет. Белоруссия. 1992. 29 февр. С. 1.
61. Иоффе Э.Г., Дунцева М. Лилия: [О М. Калининой, спасавшей евреев из Мин. гетто] // Имя. 1997. 5 сент.
62. Иоффе Э. Минское гетто: основные этапы истории // Мінская гета 1941–1943.
63. Иоффе Э. Колькі гета было ў Мінску? // ЛіМ. 1998. — 10 крас. (№ 15). С. 4.
64. Иоффе Э. Самые страшны пагром: [1942 г.; Мін. гета] // Звязда. 1992. 29 с.
65. История Холокоста на территории Беларуси. Библиографический указ. / Сост. И. П. Герасимова, С. М. Паперная. Витебск, 2001. С. 32–42.
66. Каждая Е. Экскурсия в прошлое: [Евр. места Минска, в том числе связ. с Холокостом] // Мишпоха. 1999. № 5. С. 80–83.

67. Казунина А. [Воспоминания девочки, спасенной во время Великой Отечественной войны] // Книга спасения / Авт.-сост. и лит. запись Л. Коваль: В 2 т. — Юрмала, 1993. С. 333—334.

68. Капилов А. Сестры — Валентина и Фаня: [О спасении девочки из Мин. гетто семьей Петрович] // Капилов А. Исчезнувшие миры: Повесть и рассказы. — Минск: Джейх-Сож, 1998. С. 76—85; То же: Авив. 1993. июль (№ 4). С. 1

69. Каплан Г. [Письмо бывшего узника Минского гетто] // Книга спасения / Авт.-сост. и лит. запись Л. Коваль: В 2 т. Юрмала, 1993. С. 117.

70. Карпилова А.Х. Каждый выстрел отдавался в сердце: [Рассказ бывшей узницы Мин. гетто / Записал И. Резник] // Знамя юности. 1993. 2 февр.

71. Кварт Ф. Память нужна не мертвым, память нужна живым...: [О мин. гетто и его бывшей узнице Майе Крапиной] // Авив. 2001. № 4—5. С. 29.

72. Кнатько Г.Д. Гибель Минского гетто. Минск, 1999. — 89 с.

73. Кнатько Г.Д. История Минского гетто // Генацыд у Другой сусветнай вайне: праблемы даследавання (у памяць ахвяр Трасцянца). Мінск, 2003. С. 37—60.

74. Кнатько Г.Д. Минское гетто (июль 1941 — октябрь 1943) // Старонкі ваеннай гісторыі Беларусі Вып. II. Минск, 1998. — С. 171—189.

75. Кнацько Г.Дз. Мінскае гета (ліпень 1941 — кастрычнік 1943) // Памяць: гіст.-дакум. хроніка Мінска. У 4 кн. Кн. 4-я. Мінск, 2005. С. 100.

76. Когда слова кричат и плачут: Дневники Ляли и Берты Брук. — Минск, 2004.

77. Козак К.И. Германский оккупационный режим в Беларуси: формы, методы и практика отношений с еврейским населением // Мінскае гета 1941—1943 гг. Трагедыя. Гераізм. Памяць. Мінск, 2004. С. 14—20, 32—33, 38—46.

78. Козак К. Германский оккупационный режим в Беларуси и еврейское население // Актуальные вопросы изучения Холокоста на территории Беларуси в годы немецко-фашистской оккупации. — Минск, 2005. С. 23—59.

79. Козак К. Депортация евреев Германии, Австрии и Чехии в Минское гетто: практика германского нацизма в Беларуси 1941—1944 гг. // Лагер смерці Трасцянец 1941—1944 гг.: памяці ахвяр нацызма ў Беларусі. — Мінск, 2005. С. 109—164.

80. Козак К.И. Проблемы принуждения, плена и военнопленных в белорусской историографии: тенденции, формы, содержание и синтез // Беларусь у выпрабаваннях Вялікай Айчыннай вайны. С. 32–33.

81. Коломенская И. Дюссельдорф — Минск: дорога смерти // Бел. деловая газ. 1998. 12 окт. С. 22.

82. Крапіна М. Таму, што шкадавала...: [Аповед мінчанкі, якую vyrатавала ў гады вайны жыхарка в. Парэчча Пухав. р-на Н.З. Хурс] // Мін. праўда. 1992. 11 ліп.

83. Краснаперка Г. Неўзарвання міны памяці: [Успаміны пра Мін. гета] // Работніца і сялянка. 1994. № 7. С. 8.

84. Краснаперка Г. Письмы маёй памяці. Мінск, 1984.

85. Красноперко А. Из книги «Письма моей памяти» // Книга спасения / Авт.-сост. и лит. запись Л. Коваль: В 2 т. — Юрмала, 1993. С. 9–21.

86. Красноперко А. Напоминание... Предупреждение: [Воспоминания бывшей узницы Мин. гетто] // Авив. 1999. № 5. С. 5.

87. Красноперко А.Д. Стена ненависти: История Мин. гетто в рассказе очевидца // Моск. новости. 1993. 7 нояб. (№ 45). С. 10–11.

88. Кроз В. Я знала лучшую из людей...: [О М.К. Москаленко, спасшей В. Кроз в годы оккупации в Минске] // Авив. 1999. № 7. С. 13.

89. Кроз В., Чаусская-Ильяшова З. Навечно в памяти: Минское гетто — и жизнь, и слезы, и любовь... Выпуск шестой. Отв. ред. К.И. Козак. Минск: Историческая мастерская, 2007. — 70 с.

90. Круглов А. Истребление иностранных евреев в районе Минска в 1941–43 гг. // Евреи Беларуси: История и культура: Сб. ст.: Вып. 3–4. — Минск: Арти-Фекс, 1998. С. 155–163.

91. Купрэва Г. Мінскае гета: схаваная праўда // Бел. мінуўшчына. 1993. № 2. С. 46–51; № 3–4. С. 62–67.

92. То же // Мишпоха. 2001. № 9. С. 133–134.

93. Лагер смерці Трасцянец 1941–1944 гг.: памяці ахвяр нацызма ў Беларусі. Матэр. міжнар. навук.-практычнай канф. 10 лістап. 2004 г. Мінск. Адк. рэд. В.Ф. Балакіраў, К.І. Козак. — Мінск, 2005. 316 с.

94. Лapidус А. Нас мало осталось, нам много досталось: [Воспоминания бывшего малолет. узника гетто] // Левин В., Мельцер Д. Черная книга с красными страницами: (Трагедия и героизм евреев Белоруссии). — Балтимор, 1996. С. 431–450.

95. Левин И. [Письмо узника Минского гетто] // Книга спасения / Авт.-сост. и лит. запись Л. Коваль: В 2 т. — Юрмала, 1993. С. 35.

96. Левина-Крапина М.И. Трижды рожденная. Воспоминания бывшей узницы Минского гетто. Минск: Змицер Колас, 2008. — 148 с.

97. Левкова Е. Девять месяцев под землей // Минскaе гета 1941—1943 гг. С. 189.

98. Лейзеров А. «Из фондов [Минского] гетто»: [По материалам арх. док. оккупац. властей] // Авив. 2000. № 7—8. С. 14—15.

99. Липский Ф. Кровавый дождь в июле...: [О погроме в Мин. гетто, 1942 г.] // Знамя юности. 1992. 1 авг.

100. Липский Ф. Герой и летописец Минского гетто: [Памяти Г. Смоляра, рук. сопротивления в Мин. гетто] // Авив. 1993. № 3. С. 15.

101. Липский Ф. Минское гетто: трагедия и героизм // Авив. 1993. № 6 (окт.). С. 4—5.

102. Липский Ф. Самые черные дни Минска: [Об уничтожении Мин. гетто в июле 1942 г.] // Свободные новости. 1998. 31 июля — 7 авг. (№ 28). С. 10—11; То же: Здравый смысл. 1998. 29 июля — 5 авг. (№ 31). С. 1, 3.

103. Липский Ф. Трудная жизнь: [Об участнике подполья в Мин. гетто Ароне Фитерсоне] // Мишпоха. 1996. № 2. С. 67—71.

104. Лицкевич С. Урок истории в сельской школе // Советская Белоруссия. 23 ноября 2000. С. 7.

105. Майзель А. О неизвестном письме Г. Смоляра Минскому подпольному комитету КП(б)Б: [О сопротивлении евреев на оккупир. территории, об участии бывших узников Мин. гетто в партиз. движении] /Подгот. к печати Я. Басин // Евреи Беларуси: История и культура: Вып. 2. — Минск: Арти-Фекс, 1998. С. 193—196.

106. Майзлес Е.П. Минск. Фашистская оккупация. Геноцид: [Воспоминания] // Актуальные вопросы государства и права: Науч. тр.: Вып.4. — Минск, 1994. С. 72—78.

107. Марголина С.М. Остаться жить. — Минск: Натако, 1997. — 67 с.

108. Марголина С.М. Остаться жить. — Минск: И.П. Логвинов, 2010. — 122 с.

109. Массер Ф. Депортация и уничтожение евреев из Гамбурга: хронология событий // Лагер смерці Трасцянец 1941—1944 гг.: памяці ахвяр нацызма ў Беларусі. Мінск, 2005. С. 102—106.

110. Мехов В. Свеча у могилы: [Памяти Г. Смоляра, рук. сопротивления в Мин. гетто] // Авив. 1993. № 3. С. 15.

111. Минскaе гета 1941—1943 гг. Трагедыя. Гераізм. Памяць. Матэрыялы міжнар. навук. канф., 24 кастрычніка 2003 г. Мінск /Адк. рэд. В. Ф. Балакіраў, К. І. Козак. Мінск, 2004. —208 с.

112. Минское гетто: [По воспоминаниям бывших узников] //

Левин В., Мельцер Д. Черная книга с красными страницами: (Трагедия и героизм евреев Белоруссии). Балтимор, 1996. С. 103–227.

113. Минское гетто / По материалам А. Мачиз и др.; Подгот. к печати В. Гроссман // Черная книга: О злодейс. повсемест. убийстве евреев нем.-фашист, захватчиками во временно оккупир. районах Совет. Союза и в лагерях Польши во время войны 1941–1945 гг. / Сост. под ред. И. Эренбурга, В. Гроссмана. — Вильнюс: Йад, 1993. С. 106–130.

114. Млынский Б. Страницы жизни времен Катастрофы. Б. м., 1998. — 101 с. [Воспоминания автора включают страницы о жизни в Минском гетто, о борьбе в партизанском отряде].

115. Мушкин Илья Ефимович // Холокост на территории СССР: Энциклопедия. М., 2009. С. 632–633.

116. ...На перекрестках судеб: Из воспоминаний бывших узников гетто и Праведников народов мира / Авт.-сост.: О. М. Аркадьева, Л. Л. Геллер, Т. С. Курдадзе, Д. И. Русаковская; Лит. обработка А. И. Соломевич. — Минск: Четыре четверти, 2001. — 240 с.: ил.

117. Нисонс-Давыдова Г. А боль души не утихает... // Добры вечар. 1993. 14 мая.

118. Нордштейн М. Девочка из бездны: [По материалам воспоминаний бывшей узницы Мин. гетто Г. Р. Давыдовой] // Авив. 1999. № 5. С. 15.

119. Павлович Б. Марк, который упал в колодезь: [О Марке Шагалове, бежавшем из Мин. гетто] // Авив. 2000. № 9. С. 5.

120. Пайкина П. [Письмо бывшей узницы Минского гетто] // Книга спасения / Авт.-сост. и лит. запись Л. Коваль: В 2 т. — Юрмала, 1993. С. 74.

121. Праведники народов мира. Минск, 2004.

122. Праведники народов мира: живые свидетельства Беларуси [о Праведниках из Минска и бывших узниках Минского гетто] // Праведники народов мира Беларуси: живые свидетельства Беларуси / состав. К.И. Козак, М.И. Крапина и др.; под ред. В.Ф. Балакирева, К.И. Козака. Минск: И.П. Логвинов, 2009. — С. 81–157, 196–209, 213–230, 232–236, 237, 240–241, 245–246, 251–252.

123. Раз Ц. Операция «Сатурн»: [Об участии евреев в уничтожении Кубе] // Евр. камертон. Прил. к газ. «Новости недели». 1999. 25 марта.

124. Родзинский Г. Дети гетто. Тель-Авив, 2004.

125. Розенберг Х. Годы ужаса... и я остался жить, что бы тебе это все рассказать // Лагер смерці Трасцянец 1941–1944 гг.: памяці ахвяр нацызма ў Беларусі. Мінск, 2005. С. 28–59.

126. Рубенчик А. Правда о Минском гетто: Док. повесть узника гетто и малолет. партизана. Тель-Авив, 1999. — 192 с.

127. Руднер Б. Дневник из Минского гетто (ноябрь 1941 июнь 1942) // Беларусь у выпрабаваннях Вялікай Айчыннай вайны. Мінск, 2005. С. 202–219.

128. Руднер Б. Записки из Минского гетто. Памяти Марты Крон, умершей 26 января 1942 года в 18 часов в Минском гетто. Рассказ о последних трех месяцах жизни (12.11.1941–26.1.1942) // Беларусь у выпрабаваннях Вялікай Айчыннай вайны. — Мінск, 2005. С. 220–225.

129. Свидетели Катастрофы: Минск // Смилевицкий Л. Катастрофа евреев в Белоруссии, 1941–1944 гг. Тель-Авив, 2000. С. 209–212.

130. Семашко Раиса Кирилловна /подготовил Кузьма Козак // Спасенная жизнь: Жизнь и выживание в Минском гетто / состав. Балакирев В.Ф. [и др.]. Минск: ООО «Лимариус», 2010. С. 39–43.

131. Семенюк В. ...И осталась неразделенной боль еврейского народа: [К годовщине трагедии Мин. гетто] // Нар. газета. 1992. 16 мая. С. 2.

132. Смилевицкий Л. Сопротивление в гетто Минска // Смилевицкий Л. Евреи Беларуси: Из нашей общей истории: 1905–1953. Минск: Аргти-Фекс, 1999. С. 190–209.

133. Смоляр Г. Менскае гета: барацьба савецкіх габрэяў-партызан супраць нацыстаў. Мінск: Тэхналогія, 2002.

134. Смоляр Г. Мстители гетто. М., 1947.

135. Смоляр Г. Подпольный боевой центр в Минском гетто // Черная книга: О злодейс. повсемест. убийстве евреев нем.-фашист. захватчиками во временно оккупир. районах Совет. Союза и в лагерях Польши во время войны 1941–1945 гг. / Сост. под ред. И. Эренбурга, В. Гроссмана. — Вильнюс: Йад, 1993. С. 130–144.

136. Смоляр Р. Антыфашысцкае падполле ў Мінскім гета (ліпень 1941 — жнівень 1942 гг.) / Уступ, арт., падрыхт. да друку, камент. Э. Іофэ, Р. Платонава // Польшыя. 1995. № 6. С. 208–244.

137. Соловьева Надежда Андреевна / подготовила Алеся Беланович // Спасенная жизнь: Жизнь и выживание в Минском гетто / состав. Балакирев В.Ф. [и др.]. Минск: ООО «Лимариус», 2010. С. 56–60.

138. Спасенная жизнь: Жизнь и выживание в Минском гетто / состав. Балакирев В.Ф. [и др.]. Минск: ООО «Лимариус», 2009. — 102 с.

139. Спасенная жизнь: Жизнь и выживание в Минском гетто / состав. Балакирев В.Ф. [и др.]. Минск: ООО «Лимариус», 2010. — 100 с.

ва, Мінск, 14 снежн. 2005 г. / БелНДІДАС; рэдкал.: У. І. Адамушка [і інш.]. Мінск, 2006. С. 130—137.

153. Тукала С.М. Практыка і метады знішчэння яўрэйскага насьельніцтва ў Мінскім гета // Партизанское движение в Беларуси и его роль в разгроме фашистских захватчиков в 1941—1944 годах: материалы Междунар. науч-практ. конф. (Мінск, 25—26 июня 2009 г.). Мінск: Беларус. навука, 2009. С. 405—411.

154. «У сваіх справаздачах я ніколі не паведамляў аб расстрэлах яўрэяў, а пісаў пра іх адсяленне альбо пераезд. Гэта быў наш умоўны шэфр...»: [Аб Мін. гета: Дак. архіваў КДБ] // Беларусь. 1994. № 8. С. 6—7.

155. Хеккер Клара. Немецкие евреи в Минском гетто. Отв. ред. К.И. Козак. Пер. с нем. Г.А. Скакун. Мінск, 2007. — 154 с.

156. Холокост в Беларуси. 1941—1944. Док. и материалы / сост. Э.Г. Иоффе, Г.Д. Кнатько, В.Д. Селеменев. Мінск: НАРБ, 2002. — 276 с.

157. Чарнаглазава Р.А. Трагедыя яўрэйскага народа ў гады вайны (1941—1944): Мінскае гета // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь. Новыя канцэпцыі і падыходы: Усебел. канф. гісторыкаў, Мінск, 3—5 лют. 1993 г. У 2 ч. Ч.1. — Мінск, 1994. С. 211—214.

158. Шибалис М. «Гетто — это была долгая Хатынь»: [Из воспоминаний минчанки М. Крапиной] // Рэспубліка. 1993. 2 сак. С. 6.

159. Шибалис М. Деревня-праведник — Поречье // Рэспубліка. 2000. 27 верас. С. 4.

160. Шибалис М. «Когда седеют дети...»: [Воспоминания узниц Мин гетто М. Крапиной, М. Радощковской, Ф. Рейзман] // Мишпоха. 1998. № 4. С. 70—71; Нар. газета. 1996. 1 лістап. С. 8.

161. Шплихалова Я. Терезен-Минск — дорога смерти. Лагер смерці Трасцянец 1941—1944 гг.: памяці ахвяр нацызма ў Беларусі. — Мінск, 2005. С. 107—108.

162. Шыбека З. З гісторыі тэрыторыі Мінскага гета // Мінскае гета 1941—1943. С. 76—78.

163. Эпштейн Б. Женщины в сопротивлении Минского гетто // Женщины на краю Европы. Мінск, 2003. С. 188

164. Judenfrei! Свободно от евреев!: История мин. гетто в док. / [Авт-сост. Р. А. Черноглазова]. Мінск: Асобны дах, 1999. — 395 с.

Подготовил к печати Кузьма Козак

Josef Greifer

**Kurze Erzählung eines langen Lebens
Augenzeugenbericht einer Tragödie und Kampf
im Minsker Ghetto 1941–1944**

Rezensent:

Professor für Geschichte, E.G. Joffe

Redaktioneller Rat:

Direktor der Internationales Bildungs- und Begegnungsstätte, Doktor der
Philologie V.F. Balakirev

Leiter des Internationalen Bildungs- und Begegnungswerkes
Peter Junge - Wendrup (Deutschland)

Vorsitzender der belarussischen jüdischen öffentlichen Organisationen
und Gemeinden L.M. Levin

Vorsitzender des Aufsichtsrates, Professor Manfred Zabel (Deutschland)

Josef Greifer

Kurze Erzählung eines langen Lebens. Augenzeugenbericht einer Tragödie
und Kampf im Minsker Ghetto 1941—1944 / Redaktion Kusma Kosak /
Übersetzung aus dem Russischen: Maria Patschepko, Anastasia Popkowa,
Maximilian Vörtler; Betreuung durch Jürgen Eberhardt. — Minsk: Verlag I. P.
Logvinaow, 2012. — 108 Seiten.

ISBN 978-985-6991-95-3.

Diese festgehaltenen Aufzeichnungen des ehemaligen Konzentrationslagerhäftlings
und Zwangsarbeiter haben nicht nur im Zusammenhang mit dem Überleben in der Zeit
der deutschen Besetzung und des nationalsozialistischen Terrors eine große Bedeutung,
sondern auch in Hinblick auf reflektiertes Gedenken seiner eigenen Vergangenheit als
Zeugnis der Nazi — Tyrannei. Ergänzt werden seine Aufzeichnungen durch eingefügte
Listen, Fotos und andere wertvolle Materialien.

Inhaltsverzeichnis

Natürlich ist es schwer, sich an alles zu erinnern...	68
Am 12. Juli 1926 wurde ich in Minsk geboren	68
Das Haus, in dem wir wohnten	69
Mit sechs Jahren	70
Der Krieg begann	72
Durch ein großes Tor traten wir ins Ghetto ein	74
Zusammen mit Freunden in und außerhalb des Ghetto organisierte ich eine Widerstandsgruppe	76
Außer der Kälte und dem Hunger	77
Durch das Ghetto streiften belarussische, litauische, lettische und ukrainische Polizisten	78
In der Folgezeit	79
Eines Tages wurde eine Razzia durchgeführt	80
Die Arbeit als Elektriker	80
Neue Prüfungen	81
Familientragedien	85
Im Jahre 1942 wurde es unruhig im Ghetto	87
Um den Partisanen beitreten zu können, war es nötig, selbst Waffen zu besitzen	87
Es wurde später mitgeteilt, dass Katzenstein, Kuschner und ich	88
Im Mai wurde uns bekannt gegeben, dass wir von nun an nicht länger im Ghetto zu leben hätten	92
Für mich begann ein neues Leben, ohne Faschisten	94
Im Herbst 1944 lernte ich meine Ninotchka kennen	95
Nach einiger Zeit nahm mein Leben jedoch eine abrupte Wendung	98
Als ich in Rente ging, war ich neunundsechzig Jahre alt	99
Die Erinnerungen kommen nicht der Reihe nach	102
Nachwort	103

Natürlich ist es schwer, sich an alles zu erinnern...

Es ist schwierig, sich an alles zu erinnern. Doch vieles ist im Gedächtnis haften geblieben. Ich versuche mich so genau wie möglich zu erinnern.

Am 12. Juli 1926 wurde ich in Minsk geboren

Als ich ungefähr drei Jahre alt war, mieteten meine Eltern eine Wohnung in einem Privathaus im Stadtbezirk Storożhowka. Eine meiner frühesten

*Bild: Familienporträt
meiner Eltern. Minsk, 1936*

Erinnerungen besteht darin, dass eines Tages, als Nachbarn die Türen schlossen, ich die Hand zwischen die beiden Türflügel steckte und mir dabei einen meiner Finger brach. Die Narbe blieb für immer.

Mit meinem vierten oder fünften Lebensjahre zeigte mir Mutter, wo mein Vater arbeitete. Wir gingen dahin, wo das neue Regierungsgebäude gebaut wurde.

Vater trug dort Baumaterial. Er lud sich eine große Menge Ziegel auf die Schultern, die zum Mauern herangebracht werden mussten. Dies war schwere körperliche Arbeit, doch man musste schließlich sein Brot verdienen.

Mein Vater hieß Owsej Todorowitsch, meine Mutter Ewgenija Markowna. Sie arbeitete als Krankenschwester im Hospital. Als ich sechs Jahre alt war, legte mein Vater sein Diplom ab und wurde als Elektrikermeister im Universitätsstädtchen eingestellt, welches schon in der Vorkriegszeit errichtet wurde. In diesem Universitätsstädtchen gab es verschiedene, in unterschiedlichen Gebäuden untergebrachte Institute und es besaß schon eine eigene Verwaltung. Zu den Aufgaben des Elektrikermeisters gehörten die Versorgung des Komplexes mit Elektrizität und Wärme, postalische Angelegenheiten und

Telekommunikation, das Säubern des Areals, die Bewachung dessen und viele andere Aufgaben außerhalb des Studienbetriebes. Es gab viele weitere Angestellte und die Arbeit meines Vaters ging niemals aus. Die Räume besaßen sogar schon eine mit Wasser betriebene Heizung. Im Heizhaus wurde mit Brennholz geheizt, sodass das vorgewärmte Wasser anschließend in alle Gebäude floss. Der Elektrikermeister war auch für die Sanitäreinrichtungen und die Kanalisation verantwortlich. Folgendes Ereignis kommt mir dazu in den Sinn: Für den Winter musste eine große Menge an Holz für die ganze Stadt gesägt und gehackt werden. Zwei Brigaden nahmen sich diesem Dienst an. Die Aufgabe der ersten Brigade war es, das Holz zu sägen, die der anderen, es zu hacken. Mein Vater war Arbeiter einer solchen Brigade. Er errichtete eine Kreissäge, sodass diese Aufgabe recht schnell bewältigt wurde. Die Holzhackenden hatten dem gegenüber viel schwerer zu arbeiten.

Das Haus, in dem wir wohnten, war hölzern und recht komfortabel. Es war mit einem Schuppen, einer Toilette und einem Ofen ausgestattet. Seit meinem sechsten Lebensjahre bestanden meine Pflichten darin, Brennholz aus dem Schnuppen zu holen, dieses wenn nötig zu hacken und Wasser zu bringen (der öffentliche Wasseranschluss befand sich ungefähr hundert Meter vom Haus entfernt). Da wir zum Waschen stets viel Wasser benötigten, stellten wir bald einen Gehilfen ein, der uns beim Wasser holen half. Für zwei Eimer Wasser bekam er fünfzehn Kopeken. Doch es muss auch etwas zur allgemeinen Versorgungssituation in Minsk gesagt werden. In den Geschäften gab es kein frisches Fleisch, keine Butter oder Milch. Diese Lebensmittel, sowie frische ungesalzene Butter, saure Sahne, Obst und Gemüse kauften wir auf dem Markt. Ich half meiner Mutter gewöhnlich dabei, all die Einkäufe nach Hause zu tragen.

Damals unterschied sich auch das Benehmen auf den Straßen vom heutigen um einiges. Wir schlugen uns oft. Es gab nur solche Regeln, wie «nicht auf den Kopf schlagen» oder «schon am Boden liegende werden verschont». Es war sogar durchaus gefährlich, auf eine fremde Straße zu gehen. Ich konnte ziemlich gut kämpfen, deshalb ließ man mich auch meistens in Ruhe. Und wenn jemand Hilfe brauchte, bat man immer mich darum.

Zuvor besaßen wir nur ein Zimmer in einem Haus des Universitätsstädtchens. Ein weiteres Zimmer erhielt die Familie Melnikow.

Der Herr der Familie, Nikolaj Iwanowitsch, war promoviert, seine Frau Ewgenija Iwanowna Ärztin. Des Weiteren gab es noch die Familie Karpilow. Sie bestand aus Herrn Grigorgij Hazkelewitsch, promovierter Arzt, und Frau Rachil Natanowna, von Beruf Krankenschwester. Ihr Sohn hieß Viktor und war sechs Jahre alt. So lebten wir ein Jahr. Erst später dann wurde das Holzhaus gebaut, welches aus drei Wohnungen bestand. Die Adresse lautete Stolpezkijgasse Nr. 10. So richteten wir uns in diesem Hause ein. Genauso wie Melnikowis‘ bekamen wir zwei Zimmer, Karpilowis‘ sogar drei.

Die Stolpezkijgasse befand sich zwischen Obuwnaja— und Respublikanskaja — Straße (heute Korolja — Straße und Gorodskoj — Wall). In unserer Gasse wohnten allerhand Menschen, auch frühere Strafgefangene. Sie wurden bei ihren Spitznamen «Schika», «Pudik» oder anderen gerufen. Auf der Straße waren sie die Anführer. Sie lehrten uns, wie man zu kämpfen und sich zu schützen hatte, was uns später im Leben sehr nützlich gewesen ist. Ich fand dort viele neue Freunde. Einer von ihnen war Tolik Kwatsch. Später lernten wir zusammen in einer Schulklasse. Auch Lenja Kobolew begegnete ich dort, doch er verließ mit Beginn des Krieges zusammen mit seinen Eltern die Stadt. Sie gerieten anschließend in einen Luftangriff, wobei Lenja ums Leben kam. Jura Blisnjuk trat zu

*Bild: Ich mit 9 Jahren. Minsk,
1935*

Kriegsbeginn den Partisanen bei und kehrte nach dem Krieg wohlbehalten nach Minsk zurück. Zuvor jedoch, als er und sein Vater die Stadt verließen, schoss einer der Flüchtlinge auf die Deutschen. Die Okkupanten ließen alle des Trecks antreten und zählten sie ab. Jeder zehnte in der Reihe hatte vorzutreten. Der Vater meines Freundes Jura tauschte schnell mit seinem Sohn den Platz und trat selbst aus der Reihe. Er wurde erschossen, Jura blieb dafür am Leben.

Mit sechs Jahren, ging ich in die Vorschulklasse der 9. Schule in Minsk und lernte dort sechs Jahre lang.

Mit zehn Jahren, nahm mich Vater

manchmal schon mit auf die Arbeit. Ich half dort den Elektroinstallateuren. Es gelang mir nicht immer alles, doch ich bemühte mich sehr. In der Vorkriegszeit wurde ein Großteil der elektrischen Leitungen noch mit Hilfe von auf Rollen gewickelten Schnüren verlegt. Bevor die Schnüre über die Rolle gezogen wurden, musste man sie vorher ineinander verflechten. Dies erlernte ich rasch und arbeitete von fortan auf diese Weise. Heutzutage werden die Verteilertafeln aus Metall hergestellt, doch früher wurden sie noch aus Marmor gefertigt. Man musste den Marmor schneiden, in ihn Löcher bohren und die nötigen Apparaturen auf den Tafeln anbringen. Ich bewältigte diese und viele andere Arbeiten mit Bravour.

So war ich schon zu Beginn des Krieges ein erfahrener Installateur, besuchte des Weiteren den Club für Modellflugzeuge und den Schützenverein. Ebenfalls half ich in der Schulbibliothek die Bücher zu pflegen, weshalb ich freien Zugang zu aller Literatur hatte. Im Physikkabinett half ich verschiedene Geräte instand zu setzen. Mit dreizehn Jahren war ich schon einen Meter siebenzig groß und recht kräftig. Ich konnte mich in Prügeleien schon selbst verteidigen und andere schützen, wenn es nötig gewesen ist. Wie ich bereits schrieb, war es manchmal

Familienbild, von links nach rechts: Ich, mein Cousin Ilja, Onkel Raphael, Bruder Semjon, Schwester Enna. Minsk, 1938

gefährlich auf den Straße, denn immer bestand die Gefahr, ohne jeden Grund verprügelt zu werden. Ich konnte aber ganz gut raufen und verhandeln. Ich fand Freunde in anderen Stadtbezirken und wer mich begleitete, den rührte niemand an. Im Alter von fünfzehn Jahren war ich bereits auf einen Meter sechsundsiebzig angewachsen und körperlich gut entwickelt. Dies half mir am Leben zu bleiben.

Als ich die fünfte Klasse beendete, wurde in unserem Hof bereits die 17. Schule errichtet in welche ich wechselte und ab dem sechsten bis zum Ende des siebenten Schuljahres lernte. Dort trat ich der Arbeitsgemeinschaft junger Naturfreunde bei. Niemand wusste, was Tomaten eigentlich waren — wir bauten sie dort an und probierten sie anschließend.

Doch leider endete schon bald, ganz unverhofft, meine Schulzeit.

Bild: In der Arbeitsgemeinschaft junger Naturfreunde. Minsk, 1940

Der Krieg begann

Wir waren auf unserer Datsche. Mein Vater arbeitete zu dieser Zeit dort und wusste die ersten Tage überhaupt nicht, dass Krieg war. Wir mussten mit Schmerz ansehen, wie unsere Stadt zerstört wurde. Manchmal sahen wir eines unserer Jagdflugzeuge aufsteigen, doch es wurde sogleich wieder

abgeschossen. Wir beschlossen, nicht mehr nach Haus zurückzukehren, sondern folgten der Staromogiljowskaja — Straße, immer in Richtung Mogiljow. Es waren bereits viele Flüchtlinge unterwegs. Die deutschen Flugzeuge griffen von Zeit zu Zeit immer wieder an und erschossen dabei viele, sie jagten förmlich die Menschen. Am Wegesrand lagen viele Leichen von Männern, Frauen und Kindern. Die meisten waren schon starr. Das war ein schreckliches Bild, aber die Menschen gingen gleichgültig vorüber, ohne dem ganzen sonderlich viel Aufmerksamkeit zu schenken...

Wir durchquerten Smilowitschi und gingen wir weiter. Alles wiederholte sich: Angriffe von Fallschirmjägern, Leichen und so weiter. Es war offensichtlich, dass Hitler nun wirklich einen Kurs der Massenvernichtung der Zivilbevölkerung eingeschlagen hatte.

Nach Smilowitschi erreichten wir die Stadt Tscherwen. Dort waren schon massenhaft Flüchtlinge. Die örtlichen Behörden nahmen auf Befehl wieder ihre Arbeit auf und begannen Verpflegungsstützpunkte einzurichten. Einige Menschen wurden sogar mit einer zeitweiligen Unterkunft versorgt. So ging es drei Tage lang. Am Ende des dritten Tages verkündete man, dass sich die deutschen Streitkräfte bereits am Rande der Stadt befinden würden. Wir mussten dringend weiterziehen, doch der sowjetische Rundfunk meldete, der Feind sei aufgehalten worden und es gäbe keinen Grund zur Beunruhigung — dies waren alles Lügen und Falschinformationen. Keiner interessierte sich für die Menschen. Da die meisten jedoch den Behörden glaubten, bezahlten viele dafür mit ihrem Leben. Sie flohen nicht und kamen später um, was jedoch niemanden so recht beunruhigte.

Wir mussten weiter dem Weg folgen. Während unseres Marsches sahen wir häufig deutsche Landungstruppen. Sie waren als Rotarmisten und Kommandeure verkleidet. Es war ein betrügerisches Manöver. Als die Menschen diese Soldaten sahen, liefen sie nicht auseinander. Die vermeintlichen Rotarmisten versammelten Ortseinwohner und Emigranten, um sie dann anschließend zu erschießen. Ihre Leichen blieben am Wegesrand liegen. Es waren sehr viele. Einmal überholten uns deutsche Truppen. Die Deutschen schwärmten im Dorf aus und begannen das kleine Geschäft auszurauben. Wir versteckten uns in einem Schnuppen ohne Tür. Zum Glück sah niemand hinein, das rettete uns.

Wir beschlossen, weiter in Richtung Mogiljow zu laufen. Wir kamen bis zum Städtchen Beresino, überquerten die Brücke und fanden uns in

einem Wäldchen wieder. In diesem Wald versteckten sich viele, in der Regel unbewaffnete und demoralisierte Armeeangehörige. Ich glaube, sie alle gerieten in Gefangenschaft.

Wir gingen weiter und kamen bis zur Kolchose «Roter Weg». An den Namen des Dorfes erinnere ich mich nicht mehr. Am Rande des Dorfes befand sich die Schule. In dieser wohnten wir einige Tage, bis uns schließlich die Gemeindevertretung bat, das Dorf zu verlassen, da unsere Anwesenheit das Leben aller anderen dort gefährdete. Wir verließen den Ort und erreichten bald den Dnjepr. Es war allerdings unmöglich, ihn zu überqueren, überall waren schon die Deutschen. Im Wald war niemand mehr zu finden: entweder man war geflohen, oder bereits in Gefangenschaft geraten. Wir überquerten wieder die Brücke und landeten erneut in Beresino. Dort waren viele deutsche Soldaten. Sie beachtetten uns nicht und wir gingen weiter. Als wir die Stadt Tscherven erreichten, übernachteten wir im Wald. Am nächsten Tag gingen wir in Richtung Minsk weiter. Wir kamen bis Smilowitschi, wo die Verwandten meiner Tante wohnten. Dort verweilten wir ein wenig, aber schon nach einigen Tagen ließ die gerade eingerichtete Feldkommandantur die Anordnung aushängen, dass alle fremden Juden heimkehren sollten. Das Einzige, was wir hatten, war ein Fahrrad. Wir tauschten es gegen einen Pud Mehl ein und liefen wieder zurück nach Minsk.

Als wir nach dem missglückten Versuch, vor den Faschisten zu fliehen, wieder in Minsk ankamen, sahen die Häuser in unserer Straße wie früher aus, nur dass dort nun bereits fremde Leute wohnten, die uns völlig unbekannt waren.

Auf der Komsomolskaja — Straße war irgendeine deutsche Behörde eingerichtet worden. Dort gingen viele Menschen in schwarzen Mänteln und weißen Armbinden umher. Wie sich später herausstellte, waren dies Einheimische, die der neu formierten Polizei beigetreten waren. Leider mussten wir später diese belarussischen, litauischen und ukrainischen Polizisten erst richtig kennenlernen. Sie gingen im Ghetto auf Streife.

Durch ein großes Tor traten wir ins Ghetto ein. Uns quälte die Ungewissheit, ob wir je wieder herauskommen würden. Die Tore wurden von belarussischen Polizisten bewacht. Wir gingen zu unserem Haus, es war überbelegt. Die drei Familien, die unsere Wohnung bewohnten,

rückten nun zusammen und machten uns etwas Platz. Dieses Haus bewohnten ebenfalls ehemalige Arbeiter des Radiowerkes, welches sich zuvor in der polnischen Stadt Wilna befand. Nach der Aufteilung Polens benannte man Wilna zu Vilnius um, das fortan zu Litauen gehörte. Das Werk samt seiner Angestellten wurde nach Minsk verlegt, wo ein Großteil der Arbeiter im Ghetto einquartiert wurde. Viele von ihnen traf ich im kleinen Ghetto wieder — Konjuschkowa, Maza, Lurje und andere. Die Gasse, in der wir wohnten, war recht klein, nur etwas mehr als ein Dutzend Holzhäuser gab es dort. Alle hatten einst kleine Gemüse— und Obstgärten. Zwischen den Grundstücken standen Zäune. Wir alle kannten einander. Als wir nun zurückkehrten, bewohnten andere, unbekannte Leute unsere Häuser. Alle, außer uns Juden, wurden umgesiedelt. Die Umzäunungen der Grundstücke wurden abgebaut. Man nutzte alles als Brennholz. Die 17. Schule, die geradezu in unserem Hof war, bewohnten nun auch Juden, gezwungen umquartierte. Die Menschen lebten ohne Möbel, sie schliefen teilweise sogar auf dem Fußboden. Alle litten unter Hunger, einige von

*Bild: Areal des Minsker Ghettos 1941 – 1943.
Archiv der Geschichtswerkstatt*

ihnen starben gar. Als die Faschisten die Juden im Ghetto ansiedelten, büßten viele nichtjüdische Familien ihre Habseligkeiten und Wohnungen ein. Die Nazis hegten gegen alle einen tödlichen Hass. Ihnen war die gesamte Bevölkerung unseres Landes völlig gleichgültig. Das Ziel war die Vernichtung aller Einwohner.

Als wir nach Minsk zurückkehrten, war die Umsiedlung bereits abgeschlossen. Ich schaute mich um und sah viele meine Mitschüler. Sie alle kamen früher oder später im Ghetto ums Leben. Nach der Zeit im Ghetto traf ich niemanden von ihnen mehr. Auch viele unserer Lehrer wurden ins Ghetto getrieben, alle sind umgekommen.

Zusammen mit Freunden in und außerhalb des Ghettos organisierte ich eine Widerstandsgruppe. Wir gingen auf die Jagd. Wir hielten zufällig vorübergehende Soldaten an, um sie nach Zigaretten und Feuer zu fragen, ich sprach deutsch. Während der Soldat Feuer gab, schlich sich einer von hinten an und versetzte ihm einen Schlag auf den Kopf. Wir töteten die Soldaten nicht, wir zogen sie aus und nahmen ihnen dabei Waffen und Dokumente ab. Danach verschwanden wir wieder. Zur Tarnung taten wir dies außerhalb des Ghettos. So geschah es bis zum ersten Pogrom am 7.

*Bild: Denkmal am Ort des ersten Pogroms in Tutschin. Minsk, 2008.
Foto Kusma Kosak*

November. Dabei wurde ein Teil meiner Kameraden gefasst und so zerfiel die Gruppe. Nach einiger Zeit begegneten wir den anderen Kameraden im Radiowerk, in welches ich zur Arbeit verwiesen wurde. Manchmal gelang es mir, über den Stacheldraht zu klettern. Dies war sehr gefährlich, da die Polizisten, wenn sie einen Flüchtling entdeckten, ohne Vorwarnung schossen. Trotzdem schaffte ich es manchmal, meine Freunde außerhalb des Ghettos zu treffen, auch wenn ich dabei mein Leben riskierte. Sie halfen mir mit Kleidung und Lebensmitteln aus.

Die Ghattobewohner hausten sehr beengt, der Platz war lang nicht für alle ausreichend, da Menschen aus der ganzen Stadt im Ghetto zusammengepfercht waren. Gewöhnlich schliefen mehrere Personen in einem Bett, oft sogar auf dem Fußboden. Es gab keine Heizung, jeder richtete sich so ein, wie er konnte. Die Holzhäuser konnten zwar mit Brennholz beheizt werden, doch es gab keines. Alle Schuppen und Zäune wurden sehr schnell zerlegt. Auch als dieses Holz verbraucht war, mussten wir uns natürlich auf irgendeine Weise wärmen und kochen. Alle Leute, die zur Arbeit gingen, brachten jegliches, was sie von dort mitnehmen konnten, nach Hause. Sie zogen alles Mögliche hinter sich her: Bretter, Holzscheite und auch Kohlestücke, soweit man welche bekam. Die anderen aber, die keine Arbeit besaßen, heizen bei weitem schlechter und litten noch stärker. Doch wem es möglich war, der teilte mit den Anderen. Und so überlebten wir. Nachts liefen Ratten über den Boden. Einmal erwachten wir vom Schrei meiner Mutter. Eine Ratte hatte an ihrer Zehe genagt.

Außer der Kälte und dem Hunger waren wir auch allen möglichen Misshandlungen, Prügel und Demütigungen ausgesetzt. Juden hatten beispielsweise kein Recht, auf dem Bürgersteig zu gehen. Bei der Begegnung mit einem deutschen Soldaten hatten sie den Hut abzunehmen. Leisteten sie dem nicht Folge, verprügelte man sie. Dies war sehr demütigend, da wir aus der Vorkriegszeit keine Diskriminierung kannten. Uns schockte außerdem unsere eigene Unwissenheit, da wir zu Beginn des Krieges nicht über diese Form von nationalsozialistischem Faschismus informiert wurden.

Auf der Suchaja-Straße befand sich das jüdische Komitee, der Judenrat. Morgens hatten wir uns dort zu versammeln, um Arbeitszuweisungen zu erhalten und in Kolonnen zur Arbeit zu gehen. Das konnten Arbeiten wie Straßen kehren oder ähnliches sein. Im Winter bestanden unsere Aufgaben

im Schneeräumen, im Tragen von Lasten und in anderen unqualifizierten Arbeiten. Die Arbeiter bekamen hundert Gramm Brot pro Kopf. Dem Brot waren Rüben, Kartoffeln und anderes zugesetzt.

Oft erkrankten die Menschen im Ghetto lange und schwer. Es gab qualifizierte Ärzte, doch keine Arzneimittel. Die Schwester meiner Mutter litt schwer an Asthma. Vor dem Krieg konnte man bei einem Asthmaanfall mit einer Injektion schnell Besserung erwirken, doch aufgrund des akuten Arzneimangels gelang es nicht, meine Tante Maria rasch zu behandeln, worauf sie vor unseren Augen erstickte. Sie wurde auf dem früheren jüdischen Friedhof begraben. Zu Sterbefällen kam es leider sehr häufig, was den Faschisten nur recht gewesen ist. Jeden Morgen brachte man die Verstorbenen zum Friedhof und begrub sie in Massengräbern. Wenn ein Grab voll war, hub man das nächste aus. Einige Menschen behaupteten gar, dass es besser sei, auf eine solche Weise zu sterben, als von den Faschisten ermordet zu werden. Während der Bestattung weinte niemand.

Durch das Ghetto streiften belarussische, litauische, lettische und ukrainische Polizisten. Sie misshandelten die Menschen, verprügelten und ermordeten sie. Die Bevölkerung war ihnen gegenüber völlig schutzlos. Am 7. November 1941 fand das erste Pogrom statt. An diesem Tage wurden etwa zehntausend Menschen getötet, Frauen, Kinder und Greise. Einige von ihnen kehrten zurück und berichteten Einzelheiten. Die Menschen wurden in einen Graben getrieben und von deutschen und belarussischen Polizisten mit Maschinengewehren erschossen. Einige Menschen gerieten lebend unter die zusammensackenden Körper und krochen nach Ende des Ganzen wieder aus der Grube. Später kamen sie wieder ins Ghetto zurück und erzählten, wie sich alles zutrug. Das Pogrom wurde auf folgende Weise organisiert: zuerst riegelte man einen Bereich des Ghettos so ab, dass es unmöglich war, aus diesem zu entfliehen. Danach töteten sie alle, die dort wohnten. Später dann, lag dieser Bereich schon außerhalb des Ghettos. Auf diese Weise wurde das Territorium des Ghettos immer weiter verkleinert. Die Menschen konnten nach dem ersten Pogrom kaum zu sich kommen, als am 20. November die zweite große Vernichtungsaktion stattfand. Die Kolonnen — Frauen, Kinder und Alte — führte man wieder zum Schlachtfeld,

um sie zu ermorden. Die deutschen und belarussischen Polizisten führten diese Kolonnen. Jeden Tag wurden Menschen getötet. Um uns vor dem Pogrom zu retten, bauten wir Verstecke, welche man als «Malina» bezeichnete. Manchmal konnte man sich noch vor dem Pogrom in solche Zufluchten retten, doch danach kamen die nächsten Vernichtungsaktionen, die Deutschen bemühten sich, sie plötzlich und unerwartet zu veranstalten, was ihnen auch gelang. Die Menschen, die das eine Mal am Leben blieben, wurden schon im nächsten Massaker ermordet, die Todesfabrik arbeitete unaufhörlich. Die Nazis vernichteten planmäßig, die Lage war hoffnungslos. Jeden Tag konnte man vor dem Schlafengehen des Morgens nicht sicher sein, jederzeit konnte man zugrunde gehen. Die Täter hatten aus ihrer Sicht keine Schuld, denn sie waren ja Kinder eines anderen Volkes.

Niemand war vor den Tod sicher, man starb auch vor Hunger und Krankheiten, es war eine schreckliche und grausame Vernichtungsmaschine menschlichen Lebens. Für die Faschisten waren Juden wertlos. Auf Deutsch gesagt, sie waren «Unmenschen», Russen und Belarussen nannten sie «Russische Schweine». Nach meiner festen Überzeugung konnten die Faschisten nicht als Menschen gegolten haben. Das waren Tiere.

In der Folgezeit blieb im Ghetto zunächst alles beim Alten. Ukrainische, litauische, lettische und belarussische Polizisten gingen die die Straßen entlang und misshandelten, verprügelten und ermordeten die Menschen. Reine Willkür war das. Im März 1942 dann, nachdem die Kolonnen der Arbeiter wie gewöhnlich zur Arbeit auszogen, wurde das Ghetto von deutschen Soldaten und belarussischen Polizisten umstellt. Sie riegelten das Gebiet vollkommen ab, sodass niemand heraus oder hinein kam. Dann begann das Pogrom. Eine große Menge an Leuten wurde in Kolonnen zusammengetrieben und auf Lastwagen verladen. Das waren Gaswagen. Als sie abfuhren, strömte das Gas in die luftdicht abgeschlossenen Ladeflächen, sodass die Menschen während der Fahrt erstickten. Man brachte die Leichen nach Trostenez. Auf diese Weise arbeitete die Vernichtungsmaschine. Die Leute, die nach der Arbeit nach Hause zurückkehrten, fanden ihre Verwandten nicht mehr vor. Die nächsten Pogrome geschahen dann im September und Oktober 1943, doch in dieser Zeit war ich schon im kleinen Ghetto.

Das Leben im Ghetto war schrecklich, ohne Hoffnung am Leben zu bleiben. Vor Beginn des Krieges wurden wir, die Jungen, zum Patriotismus erzogen, doch selbst unsere Lehrer ließen uns im Stich. Nicht nur, dass man im Rundfunk vermeldete, es sei alles in bester Ordnung. Wie heute bekannt ist, gab Ponamarenko, Führer der zentralen Partisanenbewegung, sogar den Befehl, keine Juden in die im Untergrund agierenden Guerillagruppen aufzunehmen. Dies vergrößerte auch die Opferzahlen im Ghetto. Man kann diese Menschen, die so etwas taten, in gewöhnliche Deutsche und in SS-Leute einteilen. Nach dem Zerfall der Sowjetunion war ich mehrmals in Deutschland und sah, wie teuer der Krieg, den die Nazis anzettelten, dem deutschen Volke zu stehen kam. Der Preis dafür waren zerstörte Städte und der Tod vieler Menschen. Es blieben viele Witwen und Waisenkinder zurück.

Eines Tages wurde eine Razzia durchgeführt, sie griffen Männer im Ghetto auf. Ich kletterte auf den Dachboden. Ein Soldat stieg die Treppe hinauf und sagte zu mir: «Komm, komm!». Ich geriet in die Gruppe der bereits Gefassten. Meine Mutter lief herbei und begann über die Soldaten herzufallen und zu schreien: «Vierzehn, vierzehn Jahr!». Ich wurde wieder freigelassen. Diejenigen, die in der Razzia festgenommen wurden, sah allerdings niemand mehr. Sie wurden irgendwohin verschleppt.

Wir wohnten im Rajon Obuwnaja — Straße. Jede Nacht ermordete man die Einwohner des Hauses Nr. 20, welches nicht weit von unserem Hause stand. Nachdem man die Leichen beseitigte, bezogen sogleich wieder neue Bewohner das Haus, welche wiederum sofort des Nachts getötet worden. Dies wiederholte sich immer und immer wieder.

Die Arbeit als Elektriker

Im August 1941 kam der Elektriker Wasja Blazhenskij zu uns. Vor dem Krieg war er bei meinem Vater angestellt. Er sagte, dass er nun in der Kriegskommandantur arbeite und bot uns eine Einstellung an selbiger Stelle an. Und so nahmen wir dort die Arbeit schon bald auf. Unsere Aufgabe war die Betreuung des Stromnetzes, ohne Überwachung oder Begleitung. Dafür bekamen wir ein Stück Brot. Darüber hinaus waren dort auch Kriegsgefangene. Sie bereiteten in einer Feldküche aus zugeteilten Lebensmitteln Mahlzeiten zu, welche auch meinem Vater und mir gereicht

wurden. Wir brachten einen Teil dessen meiner Mutter und meinem Bruder, was ihnen sehr half. So ging es bis zum Anfang 1942. Im Januar wurde diese Kommandantur verlegt und ich musste mich also wieder an den Judenrat wenden, der die anstehende Arbeit vermittelte. Ich befreite zusammen mit anderen Arbeitern die Straßen und Bahngleise von Schnee und Müll. Die Arbeit war schwer, aber wir bekamen für sie ein Stückchen Brot. Das Brot war mit einem Zusatz von Kartoffeln und Rüben gebacken. Es war unmöglich satt zu werden, aber es war doch immerhin noch besser, als gar nichts zu haben.

Neue Prüfungen

Am 7. November 1941 wurden wir vor einem Pogrom gewarnt. Man sagte uns gar, in welchem Bereich des Ghettos es geschehen sollte. Der Name eines bekannten Mechanikers war Musin. Er bat einen Offizier, fahren zu dürfen, um seine Familie aus der Kolonne der Häftlinge zu holen. Nach einiger Zeit kehrte der Offizier zurück und meinte, dass daraus wohl nichts werde. Musin wurde darauf erschossen.

Mein Vater und ich gingen weiter zur Arbeit. Einmal überquerten wir die Sowjetskaja — Straße, an deren Rändern entlang viele Leichen sowjetischer Soldaten lagen. Das war ein scheußlicher Anblick. Es stellte sich heraus, dass diese Soldaten aus Erschöpfung nicht mehr laufen konnten und nur aus diesem Grunde erschossen wurden. Sie blieben einfach liegen. Das war furchtbar...

Eines Tages, als wir uns auf dem Swoboda-Platz befanden, wurde ich erneut aufgegriffen und hinter ein Gebäude abgeführt. Dort standen schon viele Menschen unter militärischer Bewachung. Man stellte uns in einer Reihe auf, ehe ein Offizier hervortrat und über einen Übersetzer verkündigte, dass bei einem Sabotageakt ein deutscher Soldat getötet worden sei und wir, zwanzig Mann an der Zahl, nun dafür erschossen werden würden. Die Soldaten traten uns gegenüber an und es wurde Kommando gegeben: «Achtung! — Feuer!» — alle sanken zu Boden.

Wie sonderbar es auch klingen mag, ich hatte keine Angst. Auch ich fiel, vielleicht verlor ich das Bewusstsein, ich weiß es nicht. Als ich wieder erwachte, war ich unversehrt. Ich hatte Glück, denn die angetretenen Soldaten waren keine SS — Truppen, sodass auch keine Kontrollschüsse fielen.

Bild: Früherer jüdischer Friedhof – Ort der Bestattung von mehr als 5000 Opfern des Minsker Ghettos. Minsk, 2008. Foto Kusma Kosak

Im Herbst umzingelten Polizisten und Soldaten unseren Rajon und befahlen uns, im Laufe von drei Stunden die Wohnungen zu räumen. Alles wurde sehr schnell mit Stacheldraht abgesperrt. Wir gingen also, um eine andere Wohnung zu suchen. Auf diese Weise verloren wir alles, was wir bis dahin noch besaßen. Wir lebten in der Folgezeit lange in der Obuwnaja — Straße. Der Rajon, aus dem wir ausgesiedelt wurden, war von fortan von deutschen Juden bewohnt, die sich in einer noch schwierigeren Lage befanden. Sie waren hinter zwei Reihen von Stacheldraht ohne jeglichen Kontakt zur Außenwelt untergebracht und starben dort an Hunger. Die Menschen, die nicht verhungerten, wurden von den Faschisten ins Dorf Trostenez verschleppt. Ihr Schicksal war furchtbar.

In der Obuwnaja — Straße wohnten wir dann in einem Haus, welches erneut völlig überbelegt war. Mehrere Menschen schliefen in einem Bett, aber wir vertrugen uns gut und jede Familie lebte für sich. Alle litten an Hunger. Wir wollten ständig nur essen.

Im Winter 1941 herrschte strenger Frost. Wir hatten weder geeignete Kleidung, noch Winterschuhe. Es war daher sehr beschwerlich, in der Kolonne zu arbeiten. Die Menschen waren geschwächt und hungrig, weshalb sich der gesamte Arbeitstreck nur sehr langsam fortbewegte und alle schnell froren. Wir arbeiteten im Freien. Einige Leute hielten dieser Belastung nicht stand und fielen in Ohnmacht, es gab keine Möglichkeit, sich aufzuwärmen. Wenigstens erhitzte man etwas Wasser über dem Feuer, was uns ein bisschen half.

Am Morgen kamen niemals alle wieder zurück an die Arbeit, es gab viele Sterbefälle zu verzeichnen. Im Ghetto waren des Nachts oft Schüsse zu hören. Am darauf folgenden Morgen wurden dann die Ermordeten auf den Friedhof geschafft. Als wir auf der Obuwnaja — Straße wohnten, unweit des Flusses Schorna, sahen einmal deutsche patrouillierende Soldaten unten auf Höhe der Mjasnikow — Straße spielende Kinder. Sie schossen auf sie und töteten sie nur aus Vergnügen.

So oder so lässt sich nur schwer sagen, was überhaupt ein Ghetto ist. Hunger, Kälte, alle erdenklichen Misshandlungen. Die Juden waren doch in ihren Augen «Unmenschen». Es fällt schwer, sich an alles zu erinnern. Umso komplizierter ist es, nun auch darüber zu schreiben. Natürlich war es nicht einfach, mit Hunger, Kälte und auch den Misshandlungen zurechtzukommen. Doch eines war wirklich unmöglich: sich an das Morden und den vielfachen Tod von Menschen zu gewöhnen. Nach den vielen Jahren, die vergangen sind, habe ich bis heute diese schrecklichen Bilder immer noch vor Augen.

Ich weiß nicht, woher dieser Mensch kam. Er lag nicht weit von unserem Haus, tot und vor Hunger aufgedunsen. In seinen Haaren krochen viele Läuse. Schrecklich. Ich musste Bilder sehen, die ich niemals vergessen werde. Auf einem dieser Bilder sehe ich eine Frau mit einem Kind auf dem Arm. Es war der Kommandant der ukrainischen Polizisten Gorodezki, der ihr das Kind aus den Händen riss, es an den Füßen nahm und es mit dem Kopf an eine Mauer schlug. Die Frau verlor die Nerven, worauf sie erschossen wurde.

Bis Mai 1942 ging ich in der Kolonne zur Arbeit. Später dann wurde ich in ein Heizkraftwerk abgestellt, welches «Elwod» hieß. Es stand an genau der Stelle, wo man später den Zirkus baute. Dort arbeite ich als Elektriker und musste darüber hinaus die Aschewagen ziehen.

Die Arbeit war schmutzig und wegen ständigem Hunger und Erschöpfung sehr schwer. Sie war aber immer noch besser, als in der Kälte schufteln zu müssen. Es gab dort auch eine funktionierende Dusche. Wir hatten nach der Arbeit somit die Möglichkeit, uns zu waschen. Und so ging es jeden Tag, ohne Wochenende. Wir hungerten ständig, doch diese Arbeit hatte auch einen Vorteil, der darin bestand, dass unweit der Arbeit viele Brennnesseln wuchsen. Ich füllte einen ganzen Sack und kochte zu Hause Suppe aus ihnen. Dies rettete uns vor dem Hungertod.

*Bild: Denkmal der Opfer des Minsker Ghettos. Minsk, 2008.
Foto Kusma Kosak.*

Das Leben im Ghetto ist dem eines unschuldig zum Tode verurteilten Menschen ähnlich — voller Ausweglosigkeit und ohne Hoffnung. Auch Vater arbeitete. Er wurde zu Aushilfsarbeiten in eine deutsche Division berufen. Nach dem Kochen von Fleisch warfen die Deutschen die Knochen

in den Abfall. Mein Vater brachte sie anschließend mit nach Hause. Er arbeitete bei einem Truppenteil in der Mjasnikowa — Straße. Aus dem Fenster des Gebäudes konnte man unser Haus im Ghetto sehen. Vater brachte auch Kartoffelschalen nach Hause. Wir wuschen sie sorgfältig ab, drehten sie durch den Fleischwolf und braten sie. Die Knochen kochten wir bis zu ihrer völligen Auflösung aus. Wir beschlossen auch, ein Versteck, eine «Malina», zu bauen. Dafür huben wir des Nachts etwas Erde aus und setzten Belüftungsröhren in den Boden ein. Wir gruben lange Zeit und verstanden schnell, dass die «Malina» nur eine zeitweilige Rettung sein konnte.

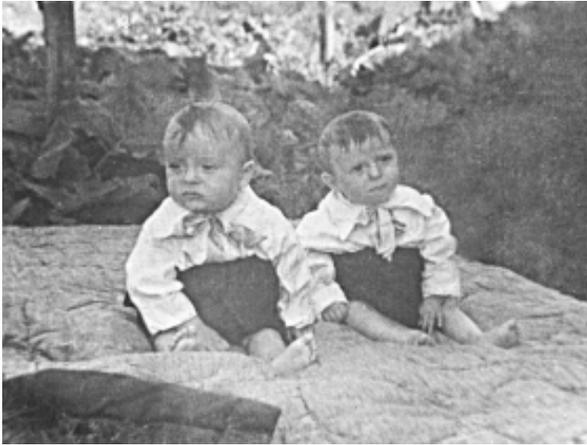
Familientragödien

Der Ehemann meiner Mutters Schwester war polnischer Kommunist und später Mitglied der KPdSU. Er arbeitete als Direktor des Erholungsheims «Schdanowitschi». Er wurde 1939, mit der Begründung polnischer Spion und Volksfeind zu sein, verhaftet. Meine Tante wohnte in einer Dreizimmerwohnung auf der Moskowskaja — Straße. Nach der Verhaftung ihres Ehemannes wurde ihr Wohnraum sofort verkleinert — für sie blieb nur ein Zimmer, sogar die Möbel wurden ihr alle genommen. Ihr Mann wurde erst wieder unter Chruschtschow aus dem Gefängnis entlassen. Während seiner Haft waren jedoch sowohl seine Frau, als auch sein Sohn im Ghetto umgekommen. Selbst, lebte er auch nicht mehr allzu lang.

Rafael, der Bruder meines Vaters, lebte mit seiner Frau Maria und ihren zwei Kindern Tolik und Dodik, welche Zwillinge waren. Im Sommer fuhren seine Frau und die Kinder zu den Eltern nach Minsk. Mit Kriegsbeginn konnten sie allerdings, wie viele andere Minsker auch, die Stadt nicht mehr rechtzeitig verlassen. Sie gerieten ins Ghetto und starben dort. Die Kinder wurden in der Nähe einer Tapetenfabrik lebendig begraben. Das Grab bewegte sich noch einige Tage lang, doch niemand wurde zu diesem Platze durchgelassen.

Sein zweiter Bruder Aron, seine Frau Sophia, Tochter Enna und Sohn Ilja wurden ebenfalls bei der Liquidierung des Ghettos im Oktober 1943 ermordet.

Meine Großmutter und zwei Schwestern meines Vates, Rosa und Raja, starben ebenfalls während eines Pogroms zwischen 1942 und 1943.

Bild: Meine Cousins, die Zwillinge Tolik und Dodik. Minsk, 1941

Linkes Bild: Maria Skolina — die Frau meines Vaters Bruder, Leningrad, 1936

Rechtes Bild: Meines Vaters Bruder Ara mit Frau Sofia (starben beide im Ghetto). Minsk, 1940

Im Jahre 1942 wurde es unruhig im Ghetto. An einem dieser Tage ging ich nicht zur Arbeit. Plötzlich war großer Lärm zu hören, auch Schüsse fielen. Das Pogrom begann in einem anderen Rajon, bewegte sich aber deutlich vernehmbar auf uns zu. Wir versteckten uns in der «Malina». Eine der Frauen bei uns hatte einen Säugling mit sich. Die Mutter dieser Frau blieb oben, und tarnte den Einstieg zum Versteck mit einem Mülleimer. Sie opferte ihr Leben, um uns retten. Sie wurde nie mehr gesehen. Nach zwei Tagen fühlte sich meine Mutter schlecht und wir verließen die «Malina», tarnten den Einstieg, kamen auf den Dachboden und versteckten uns hinter dem Rauchfang. Nach drei Tagen kam dann jemand die Bodentreppe hinauf und meinte, es sei niemand mehr übrig geblieben. Am vierten Tage nach dem Pogrom hörten wir Stimmen — die Arbeiter kehrten ins Ghetto zurück. Auch meines Vaters Stimme vernahm ich deutlich. Er hatte die letzten Tage auf dem Dachboden einer Schule verbracht und von dort aus das Ghetto beobachtet. Er sah auch, wie sie die Menschen wegführten und einige auf der Stelle erschossen. Gesichter konnte er von dieser Entfernung aus jedoch nicht erkennen und wusste aus diesem Grunde nicht, was mit uns geschehen war. Diesmal blieben wir am Leben. Es wurden wesentlich weniger Menschen im Ghetto. Die Faschisten setzten ihren Plan erfolgreich um.

Um den Partisanen beitreten zu können, war es nötig, selbst Waffen zu besitzen.

Wir kauften Waffen, um den Partisanen beitreten zu können. Die Partisanen bekamen Waffen über verschiedene Wege. Wir versuchten zu fliehen. Unsere ehemalige Nachbarin Alexandra Ignatjewna Plawinskaja hatte uns ein Treffen mit den Partisanen versprochen. Die Untergrundkämpfer sollten in der Nacht eintreffen, um uns dann

*Jama. Obelisk am Platz
der Massenerschießungen im
Minsker Ghetto, 2. März 1942.
Foto Kusma Kosak.*

gemeinsam zur Gruppe zu begleiten. Doch es kam niemand. Alexandra Ignatjewna meinte, etwas sei schief gegangen, sie würden aber bestimmt später kommen. Wir gingen wieder zurück und warteten. Mitte Juli kehrten wir in einer Kolonne ins Ghetto zurück, wo schon eine kleine Gruppe von Offizieren am Tor stand. Sie deuteten mit dem Finger an, wer die Kolonne verlassen sollte. So wählten sie zwölf Leute aus. Man übersetzte uns, dass wir uns am nächsten Tage morgens acht Uhr am selben Ort einzufinden hätten und abgeholt werden würden.

Am nächsten Tag kam ein Offizier und führte uns zu einer Fabrik. Es war so, dass ein deutscher Truppenteil auf dem Gelände des ehemaligen Radiowerks untergebracht war. Im Werk wurde uns mitgeteilt, dass wir, da wir keine Facharbeiter waren, nun die Drecksarbeit zu machen hätten — Hilfsarbeiten beim Bauen und Reparieren. Weiter sollte alles von unseren Fähigkeiten abhängen.

Am Anfang mussten wir Ziegel schleppen und durften die Werkshallen nicht betreten. Ich habe dort alte Bekannte getroffen — den ehemaligen Arbeiter des Minsker Radiowerkes Golumb Konjuschkow, Max Lurje und andere. Sie erzählten, dass für die Fabrik auch ein Ghetto errichtet wurde, wo ungefähr 700 Menschen lebten. Sie arbeiteten meistens in den Werkshallen, denn sie waren Fachleute. So vergingen zwei Monate.

Es wurde später mitgeteilt, dass Katzenstein, Kuschner und ich ebenfalls in die Werkshallen durften. Katzenstein war ein Jude aus Düsseldorf, er arbeitete schon seit langer Zeit in der Fabrik und lebte unweit dieser in einer Baracke. In diesen Unterkünften wohnten sowohl deutsche, als auch tschechische Juden und viele andere. Unser beauftragter Leiter war Helmut Seidler, ein deutscher Soldat. Er leitete uns bei der Arbeit an. Ein anderer Soldat — Hans Wolf — betreute uns während der Freizeit — er regelte alles, was das alltägliche Leben anging. Das Leben im Werk war besser, als im Ghetto — zumindest gab es hier etwas zu essen. Wir aßen zum Mittag in der Kantine, und das nach all den Jahren, in denen wir das Essen in Blechnäpfen holten. Der Umgang mit uns war, im Vergleich zu den Anderen, viel besser, doch dafür hatten wir auch schwerer zu arbeiten. Neben unseren Hauptaufgaben mussten wir schwere Kästen mit Apparaturen und anderen Dingen schleppen. Als wir uns etwas umsahen, erblickten wir einige ältere deutsche Soldaten, die an einem langen Tisch saßen. Sie

reparierten irgendwelche Geräte. Später, als wir uns näher kennenlernten, erzählten sie, dass sie Kommunisten seien und man vertraue ihnen nicht, da sie an der Front überlaufen könnten. Diese Soldaten waren gut zu uns, versuchten uns hin und wieder etwas zu essen, wie Brot und Wurst zu geben. Einmal passierte folgendes: sie führten uns in der Nacht zum Stabsgebäude hinaus und sagten, im Gebäude liege eine Mine, wenn man diese nicht findet, würden wir alle erschossen werden. So, wie sie uns aus den Betten schmissen, waren wir dann zwei Stunden lang draußen in der Kälte. Schließlich wurde die Mine gefunden — Günther Katzenstein trug sie in den Händen haltend heraus, worauf sie uns gehen ließen.

Günther Katzenstein und ich wurden Freunde. Er sprach kein Russisch und ich half ihm, sich mit den anderen zu verständigen. Einige, denen es gelang, aus dem KZ nach Minsk zurückzukehren, erzählten, dass sie Günther tot gesehen hätten und Günther sagte man im Gegenzug, ich sei erschossen worden. In den neunziger Jahren klingelte eines Abends mein Telefon. Das war Felix Lipski, der damalige Vorsitzende des Bundes

Bild: Überlebender Häftling des Minsker Sonderghettos, Günther Katzenstein. Foto Kusma Kosak. Minsk, 2008.

Zusammen mit Günther Katzenstein. Minsk, 2003

ehemaliger Ghetto — und KZ — Häftlinge. Er fragte mich, ob ich nicht Günther Katzenstein kenne. Ich antwortete, dass er damals mein Freund gewesen ist. Felix erwiderte: «wieso denn ‚gewesen ist‘? Er sitzt gerade neben mir. Er ist am Leben!». Als ich das hörte, bekam ich fast einen Infarkt, ich nahm doch an, er sei längst tot. Schon am nächsten Morgen trafen wir uns und man konnte folgendes Bild sehen — zwei betagte, sich gegenseitig umarmende Männer, die weinten.

Nach dem Krieg kam er manchmal nach Minsk, um die Orte zu besuchen, an denen seine Verwandten und seine Frau ums Leben kamen. Wir trafen uns und erinnerten uns gemeinsam an das Geschehene.

Sjama Kuschner. Er überlebte die KZ-Haft. Einer von wenigen. Als er nach Minsk zurückkehrte, haben wir erfahren, dass weder Sjama, noch Kuschner seine richtigen Namen waren. Wegen antifaschistischer Aktivitäten wurde er festgenommen und ins Gefängnis verfrachtet, von wo er entflohen und daraufhin seinen Namen ändern musste. Eigentlich hieß er Sinowij Kerstein. Später wanderte er nach Israel aus.

Ich erinnere mich an einige Weitere aus dem kleinen Ghetto, russische, polnische und tschechische Juden, aber es sind nur wenige der insgesamt

600 Menschen, an die ich mich noch entsinne. Es gab auch belarussische und deutsche Juden dort, manche mit Familien, manche allein. Einige dieser Familien sind mir noch namentlich im Kopf geblieben:

— Herschator mit seiner Frau Olga Kabakowa und den zwei Töchtern Lena und Natascha.

— Matz mit seiner Familie.

— Lurje mit seiner Familie.

— Fedja Golumb, nach dem Krieg ging er nach Polen.

— Segal. Er ging ebenfalls nach dem Krieg nach Polen.

— Joffe, Mutter und zwei Kindern.

— Ratsan mit seiner Mutter, seinen Brüdern und Schwestern. Sie gerieten in das Konzentrationslager auf der Schirokaja — Straße und kamen 1943 ums Leben.

— Lidskij. Er versuchte aus dem kleinen Ghetto zu fliehen, wurde gefangen genommen und nahm sich darauf das Leben.

— Goberman, Mutter, Sohn und Tochter.

— Rockstein mit seiner Frau Mascha.

— Reer. Er überlebte und arbeitete nach dem Krieg als Uhrmacher.

— Lisa Zuckerman.

— Levi mit seiner Frau, beide aus der Tschechoslowakei.

— Katzenstein aus Düsseldorf.

— Menaker.

— Autoschlosser Abrascha Plaks und seine Mutter.

— Petja Plaks mit seiner Schwester Mascha und zwei Mädchen namens Mara und Mascha.

— Sjama Kuschner mit seiner Schwester.

— Sema Klotz mit seiner Frau.

— Fima Kejasew.

— Averbuch mit seiner Frau, zwei Töchtern und einem Neffen.

— Iosif, Isaak und Abrascha Schapiro.

— Haufin. Er konnte fliehen und ging anschließend an die Front.

— Rosinoir tat das gleiche.

— Zenziper.

— Metr kam auf die Schirokaja — Straße und kam dort ums Leben.

— Ruppo und seine Frau Lisa wurden ebenfalls ins Todeslager auf der Schirokaja-Straße getrieben. Keiner überlebte.

- Tatiana Gildiner.
- Konjuschkow.

Einige sind nach dem Krieg nach Polen übersiedelt, und aus Polen dann später nach Israel ausgewandert. Einige wurden auch wegen ihrer Arbeit für die Nazis nach dem Krieg verhaftet und verurteilt.

Es gab auch viele, die den Krieg zwar überlebten, danach aber schnell starben. Kälte, Hunger und Arbeit bis zur Erschöpfung hatten ihrer Gesundheit schwer zugesetzt.

Wir waren dazu angehalten, die folgenden Arbeiten im Werk auszuführen. In unserer Werksabteilung brachte man uns Kisten mit Geräten. Unsere Aufgabe war es, alle Lampenröhren aus den Apparaturen zu entnehmen und in andere Kisten einzusortieren. Dann wurden diese Röhren zur Überprüfung gebracht. Uns wurde gesagt, dass wir unbedingt Davidsterne oder gelbe Flicker auf Brust und Rücken tragen müssen. UNBEDINGT. Eines Morgens traten ein Mann und eine Frau ohne diese Flicker an, worauf sie sofort öffentlich erschossen wurden.

Im Mai wurde uns bekannt gegeben, dass wir von nun an nicht länger im Ghetto zu leben hätten. Man verlegte uns in die Fabrikbaracke. Sie stand ein Stück abseits, direkt an der Eisenbahntrasse. Einmal fragte ich einen der deutschen Kommunisten, ob er möchte, dass Deutschland den Krieg verliert. Seine Antwort war «Nein. Wir wollen nicht in einem besiegten Land leben». Nun, so war eben ihre Einstellung.

Viele Kinder spielten auf dem Fabrikhof. Hauptmann Ties (einer seiner Verwandten hatte einen guten Posten im Reich) rettete nicht nur Erwachsene, sondern auch Kinder. Auch ältere Frauen kamen öfter in die Schirokaja — Straße und kehrten niemals zurück.

Manchmal gelang es mir, Nachrichten aus der UdSSR zu empfangen. Ich schrieb sie auf und gab sie Konjuschkow, einem ehemaligen Arbeiter des Radiowerks in Wilna. Er war nun ein Häftling, genau wie ich. An wen er diese Nachrichten weiterreichte, weiß ich nicht. Im Oktober 1944 wurde uns mitgeteilt, dass das Ghetto nun liquidiert werden solle und dass wir uns zukünftig nur noch im Werk aufzuhalten hätten. Man gab uns Wäsche und brachte uns in Baracken unter. Wir waren zwar von unseren Verwandten nun vollkommen isoliert, bekamen aber Nachrichten von ihnen und wussten somit, dass sie noch am Leben waren.

Ende Oktober sagte uns Hans Wolf, dass das Ghetto nun endgültig geräumt werden wird und nahm uns aufgrund dessen mit, damit wir dort noch rasch unsere Sachen fassen konnten. Ich hatte damals eine Schweizer Uhr. Ich sagte Hans: «Hole meine Eltern da hinaus und ich gebe dir meine Uhr». Er meinte, er werde es versuchen. Wir hatten großes Glück, denn eigentlich hätte er mir die Uhr sofort wegnehmen können, was er aber nicht tat.

Wir kamen ins Ghetto. Einige wurden in andere Transporter verfrachtet, mit der Behauptung in die Schirokaja — Straße gebracht zu werden. Dies bedeutete — Tod. Das Ghetto war fast völlig leer, die Zurückgebliebenen waren zum Tode verdammt.

Dann wurden wir wieder zurück ins Werk gefahren. Im Werk wurde jeder Familie ein Zimmer überlassen und wir lebten nun also dort. Ich schreibe immer vom «Werk», doch war es im eigentlichen Sinne vielmehr eine Division in ihrer gewöhnlichen Struktur und Organisation. So wurden wir erneut gerettet.

Wir wohnten in einer Baracke mit vier Betten und einem kleinen Tisch. Im Vergleich zum Ghetto war das Luxus. Unsere Baracke lag neben einer toten Eisenbahnlinie, die von zwei Soldaten bewacht wurde. Einer von ihnen war Fritz Freischlager aus Österreich, wo er eine Frau und vier Kinder hatte. Der andere hieß auch Fritz und war Hafenarbeiter aus Hamburg. Nach einiger Zeit begannen sie zu uns zu kommen. Sie sagten, etwas Familienatmosphäre spüren zu wollen. Nationalitäten haben sie nicht interessiert. Manchmal brachten sie uns etwas Brot, Wurst oder Kunsthonig mit, abgespart von ihren Rationen. Hitler hatte nicht alle verblendet, einige waren trotzdem noch Menschen geblieben.

Konjuschkow brachte uns Arzneien und Radioersatzteile, die wir durch Alexandra Ignatjewna Plawinskaja an die Partisanen weitergaben. So ging es bis zum Jahre 1944. In der zweiten Junihälfte ging die sowjetische Armee zum Angriff über. Die Deutschen bereiteten die Evakuierung vor — sammelten ihre Ausrüstung, sattelten und fuhren fort. Der Hauptmann rief uns zusammen und ließ verlauten, dass jeder, der der Sowjetarmee in die Hände fällt, sofort in den Knast käme oder gar für längere Zeit verbannt werde.

Ende Juni wurden wir zur Station Masjukowschina gebracht und dort von SS-Leuten in Eisenbahnwagons getrieben. Wir dachten, dass dies unser

Ende sei. Wir waren die letzten zwanzig aus ursprünglich vierhundert Menschen. Plötzlich erschienen sowjetische Flugzeuge am Himmel und bombardierten die Bahnstation und die Züge. Panik brach aus und wir entflohen in ein hoch stehendes Feld. Wir versteckten uns dort im Korn drei Tage lang. Am vierten Tage gegen Morgen war alles still geworden und die Gefahr schien gebannt zu sein, man sah nur noch sowjetische Flieger am Himmel. Bestimmt sind die meisten weiter in Richtung Deutschland verschleppt wurden und starben dort in Konzentrationslagern. Ich war sicher, dass Günther auch unter ihnen gewesen sein musste.

Wir schickten meinen jüngeren Bruder in ein Dorf, das ganz in der Nähe lag. Er kehrte schnell zurück und berichtete, dass dort bereits sowjetische Soldaten wären, aber sie würden eigenartige Schulterstücke auf den Fräcken tragen. Es stellte sich heraus, dass eine neue Uniform eingeführt worden war. Wir waren endlich frei, nach all diesen Jahren der Demütigung und des Leidens. Mit uns waren auch Rosinoir und Haufin, sie meldeten sich gleich freiwillig zur Armee. Das letzte Mal sahen wir sie, als sie auf einem Panzer davonfuhren.

Wir kehrten nach Minsk zurück und wohnten nun bei unserem ehemaligen Nachbarn Nikolaj Iwanowitsch Melnikow. Der Krieg schien zu Ende sein. Aber schon am nächsten Tage drangen die Deutschen unerwartet wieder bis Minsk vor. Ich kann mich nicht mehr erinnern, wie wir bis nach Borisov gelangten. Am nächsten Tage dann erfuhren wir, dass die faschistischen Divisionen zurückgeschlagen worden seien und wir machten uns wieder auf den Weg, zurück nach Minsk.

In Minsk angekommen, ging ich zum Kriegskommissariat. Dort fragte man mich nach meinem Alter. Ich antwortete, dass ich in Kürze achtzehn werde, worauf sie einige meiner Angaben notierten und meinten, sie würden mich bald wieder herbestellen, doch solle ich dann meinen Pass mitbringen. Am zehnten Juli bekam ich eine Arbeit als Elektroinstallateur, der ich noch viele Jahre nachging. Aber dies ist schon wieder eine andere Geschichte.

Für mich begann ein neues Leben, ohne Faschisten, und ich konnte nochmal ganz von vorn beginnen.

Ich hatte keine Schul— oder Ausbildung, nur ein paar Grundschulkenntnisse. Das Verlorene musste alles nachgeholt werden. Wie sollte ich das nur schaffen, wo anfangen? Wie mir, ging es sehr vielen. Vor allem solchen,

die aus der Armee und dem Fronteinsatz zurückkehrten. Erneut ging ich zum Kriegskommissariat und bat darum, mich einzuberufen. Ich konnte sie dazu überreden!

Wir fuhren mit einem Militärtransport, jedoch nicht allzu lang, denn er wurde gleich zerbombt. Ich zog mir eine Quetschung zu und kehrte nach Minsk zurück. Noch eine ganze Weile hatte ich eine Halsverkrümmung, aber die Ärzte bescheinigten mir baldige Genesung.

Im Herbst 1944 lernte ich meine Ninotchka kennen. Ich sah sie aus einer Baracke gehen — nicht hoch gewachsen, hübsch und mit großen blauen Augen. Ich fragte «Wie heißt du, Mädchen?». «Nina», antwortete sie. «Ich werde dich heiraten», erwiderte ich und hielt mein Wort.

Nach dem ersten Aufeinandertreffen mit Ninotchka begann ich, sie zu umwerben und nach einiger Zeit schon waren wir ein Pärchen. Sie war ein bisschen älter als ich, schon 1941 beendete sie die 10. Klasse. Ihr Vater hatte bereits im Bürgerkrieg Kriegserfahrung gesammelt und meldete sich sofort freiwillig an die Front, als der Krieg begann. Ihre Mutter war mit vier Kindern zu Hause geblieben, zwei von ihnen waren noch sehr klein. Man hat sie mit großen Schwierigkeiten in die Stadt Frunse (Kirgistan) evakuiert. Der einzige Sohn starb unterwegs. In Frunse empfing man sie nicht sehr freundlich. Sie bekamen ein leeres Zimmer gestellt und wohnten dort zu viert. Der Hunger war allgegenwärtig. Um den Kindern etwas Essbares zu besorgen, begann Ninas Mutter als Hilfsarbeiterin in einer Brotfabrik zu arbeiten. So konnte sie Brot für die Kinder besorgen, was half, den schlimmen Hunger etwas zu dämpfen. Ninotchka konnte sehr gut zeichnen und begann in einem Betrieb zu arbeiten, der Landkarten

Joseph Greifer

herstellte. Dort bekam man auch ein bisschen Suppe und Ninotchka brachte sie den Kindern. 1942 wurde die Ukraine von deutschen Truppen besetzt und die Charkover Architekturhochschule nach Frunse evakuiert. In dieser Zeit kam auch Ninotchkas verletzter Vater zurück zu ihnen. Nach seiner Genesung kehrte er allerdings wieder an die Front zurück. Während er bei seiner Familie weilte, verbesserten sich ihre Verhältnisse ein wenig. Sie bekamen ein neues Zimmer und Ninotchka arbeitete und studierte gleichzeitig an der Charkover Architekturhochschule. Nach der Befreiung von Minsk studierte sie an der Minsker Polytechnischen Hochschule weiter und schloss im Herbst 1949 das Studium dort ab. Wir waren schon verheiratet und hatten einen Sohn — Sergej. Ich absolvierte die Universität dann im Herbst 1950. Ninotchka hatte viele Schulfreunde, die alle samt älter waren, als ich, doch die Jahre im Ghetto machten mich ernster und erwachsener, sodass wir keinen Altersunterschied spürten.

Bild: Ich und Ninotchka. Herbst 1944

Nach zwei gemeinsamen Jahren entschieden wir uns dann, zu heiraten. Ich war sehr glücklich mit ihr und dieses Gefühl hielt mein ganzes Leben lang an.

Ninotschka war im zweiten Studienjahr an der Uni, ich arbeitete als Elektromonteur. Der Bildungsunterschied zwischen uns war sehr groß. Ich verstand, viel nachholen zu müssen, um die Wissenslücken zu schließen, vor allem vor dem Hintergrund, dass alle ihrer Freunde schon vor dem Krieg zehn Klassen beendet hatten. Ich musste fast vier versäumte Jahre aufholen. Zuerst besuchte ich eine Abendschule. Nach einigen Tagen hatten wir ein Diktat zu schreiben - ich machte mehr als 30 Fehler.

Das war pure Zeitverschwendung. Ich verlies die Schule und besuchte von nun an Vorbereitungskurse der Universität. Dort hatten alle schon die neunte Klasse absolviert und ich hatte nur sieben Klassen besucht. Es war wirklich schwer, dort zu studieren. Außerdem hatte ich zu arbeiten, was andere Studierende nicht mussten, sie konnten sich zu Hause auf die Kurse vorbereiten. Ich studierte drei Monate, bis ich verstand, dass dabei nichts Zählbares herauskommen werde, worauf ich mich dazu entschloss, selbstständig zu lernen. Im Stadtsekretariat für Volksbildung bekam ich die Einweisung zur Ablegung der Hochschulreife. Zu dieser Zeit waren es noch drei Monate bis zur Prüfung. Ich arbeitete am Tage, lernte in der Nacht und sollte außerdem noch mit Ninotchka ausgehen. Ich hatte Glück. In der dreizehnten Schule, wo ich mein Abitur ablegen sollte, konnte ich auch eine Prüfung für die Polytechnische Hochschule ablegen. Ich bestand alle Examen und wurde Student.

Man hatte sehr hohe Ansprüche an jeden Studierenden und da keine Abendveranstaltungen angeboten wurden, musste ich nun tagsüber lernen. Außerdem hatten wir an verschiedenen Maßnahmen teilzunehmen, wie zum Beispiel am Wiederaufbau der zerstörten Stadt. Des Weiteren arbeitete ich noch im Betrieb. Morgens zur Arbeit, danach ins Institut, oder umgekehrt, danach wieder zur Arbeit. Als ich das Studium abschloss, war ich bereits leitender Ingenieur einer eigenen Brigade und erledigte schon recht anspruchsvolle Arbeiten, die hohe Qualifikation verlangten. Wir

fuhren übers Land und reparierten Kraftwerke. Das war schwere, aber interessante Arbeit, die viel Erfahrung und Verantwortung abverlangte. Es war auch insofern gefährlich, da wir heimlich immer vom KGB überwacht wurden. So war die Zeit damals. Aber Gott sei Dank hatte dies für uns keine schlimmen Konsequenzen. In der Folgezeit hatte ich erneut großes Glück. Ich bekam eine Arbeitsstelle im Leningrader Versuchslabor, in welchem hochqualifizierte Ingenieure mit umfangreichen praktischen Möglichkeiten und theoretischem Wissen arbeiteten. Sie teilten ihre Erfahrungen mit mir und appellierten immerzu: «geniere dich nicht zu fragen!». Das Wissen, was ich dort vermittelt bekam, war von unschätzbarem Wert und half mir sehr im späteren Leben. Ich übernahm vieles und verstand, dass es wichtig ist, sich allzeit weiterzubilden — sei es über Technik, oder Kultur.

Nach einiger Zeit nahm mein Leben jedoch eine abrupte Wendung.

Ich wurde zu mehrstöckigen, unterirdischen Anlagen abkommandiert, die Langstreckenraketen steuerten. Sie lagen in verschiedensten Gebieten der Sowjetunion. Mir wurde ein spezieller Ausweis ausgehändigt, es war strengstens verboten, über meine Arbeit zu sprechen: wo ich beschäftigt bin und was ich da eigentlich zu tun habe. Meine Aufgabe war die Sicherstellung der Funktionstüchtigkeit der Anlage, insbesondere die Versorgung des Komplexes mit Elektrizität. Alles funktionierte, nur wenn sich die Abnahmekommission ankündigte, begannen die Probleme. Sie verlangten von mir Unmögliches, es war einfach nicht machbar, ihre Anforderungen in vollem Maße zu erfüllen. Sie waren alle samt hohe Offiziere und ich nur Oberleutnant, Diskussionen waren daher unmöglich.

Einmal wurde ich nach Moskau zum Rapport berufen und bat um meine Entlassung. Doch ich fand kein Gehör, sondern wurde postwendend zum Major befördert. Nun war ich mit den Offizieren von der Abnahmekommission auf Augenhöhe. Eine ganze Weile ging das so. Aber es gab noch ein Problem — ich war maximal eine Woche pro Monat oft sogar weniger, daheim und bekam weitere Anlagen bei Moskau und Leningrad zugeteilt. Meine Frau hatte es satt und forderte

meine Kündigung. Daraufhin wurde ich beurlaubt und blieb eine Weile zu Hause, doch nun wurde es materiell schwerer.

Ich kehrte wieder ins Leningrader Versuchslabor zurück. Die Arbeit dort war sehr interessant, aber auch nicht leicht. Ich bin den Kollegen sehr dankbar, die mich zum guten Fachmann machten. Vielen Dank dafür!

Vor dem Krieg spielte ich Mandoline und man brachte mir Klavierspielen bei. Man sagte auch, ich hätte eine gute Stimme gehabt. Der Krieg zerstörte alles. Man hörte keine Musik im Ghetto, niemand sang. Nach dem Pogrom vom 20. November 1941 schwor ich mir, fünfundzwanzig Jahre lang nicht mehr zu singen, wenn ich es überleben sollte — ich habe mein Wort gehalten. Und trotzdem interessierte mich Musik wirklich sehr. In Leningrad war ich einst beim Bruder von Ninotchkas Mutter. Er sagte, dass in Leningrad jener Tage Boris Stokolow Konzerte geben würde und dass wir wie Zwillinge aussähen. Ich war in einem seiner Konzerte und überzeugte mich, dass wir uns wirklich optisch sehr ähnlich waren. Als ich in der Pause ins Foyer kam, fragten mich andere Zuschauer nach Autogrammen — noch eine Bestätigung unserer Ähnlichkeit.

Als ich in Rente ging, war ich neunundsechzig Jahre alt. Die Technik entwickelte sich schnell weiter, neue elektronische Bauelemente, NC-Werkzeugmaschinen und automatisierte

Vater und Mutter gemeinsam. Alltag in der Nachkriegszeit. Minsk, 1948

Arbeitsabläufe wurden entwickelt. Mir waren viele Ingenieure unterstellt, die alle auch um einiges jünger waren, als ich. Um ein guter Chef zu sein, musste ich mir einen hohen Wissensstand aneignen. Ich habe mich dann aber doch dazu entschieden, in Rente zu gehen. Ein neuer Lebensabschnitt begann.

Der erste Urlaubsmonat verlief still. Im Februar rief mich der Stellvertretende Generaldirektor der «Pjarun AG», Michail Abramowitsch Scherling an und bot mir eine Arbeit an. Ich sollte beim Bau eines Umspannwerkes helfen. Aber ich wollte nicht mehr arbeiten und das Gespräch war damit beendet. Scherling war beharrlich und rief mich sehr oft an. Nach drei Monaten gab ich auf und ging zu ihm. Die Aktiengesellschaft befand sich in der Gorky — Straße in zwei Zimmern. Da saßen vier Personen. Einer fragte mich sofort: «Sind Sie Greifer? Ich bin Scherling, ich habe Sie angerufen. Das sind Oleg Konstantinowitsch Machowikow, unser Generaldirektor, und Wladimir Nikolajewitsch Karas, sein Stellvertreter!». «Aus welchem Grunde haben Sie mich gerufen?», fragte ich entgegen.

Der Grund war ein ehemaliger Kuhstall im Dorf Kunzewschina. Uns stand große Arbeit bevor: Ausstattung, Montagearbeiten, Einrichtung, Abstimmung mit der Energieversorgung und schließlich die Abnahmekommission. Außerdem war der Arbeitsort nicht besonders günstig zu erreichen. Deshalb sagte ich Scherling, dass ich den Vorschlag ablehnen müsste. In meinem Alter war das alles schwer zu machen. Aber dann begannen alle damit, mich zu überreden. Dies gelang ihnen schließlich auch. Ich stellte ein paar Ingenieure ein und die Arbeit begann. Ich erstellte einen Arbeitsplan und die Kommission stimmte diesem auch sofort zu — das war kein großes Problem, denn ich hatte einen guten Ruf in Energetikerkreisen.

Ich begann die Ausrüstung für das Umspannwerk auszuwählen, dabei hat mir mein Sohn Sergej sehr viel geholfen. Nicht weit vom Kuhstall (der künftigen Werkhalle) war eine Transformationsstation gelegen. Die provisorische Stromversorgung erfolgte von dort aus. Von dort bezogen wir solange den Strom, bis das eigene Unterwerk fertiggestellt wurde. Das war schwere Arbeit und wir hatten viel zu tun. Es muss darauf hingewiesen werden, dass die Leitung sich sehr

freundlich und aufmerksam uns gegenüber verhielt. Der Generaldirektor war ein erfahrener Ingenieur und guter Fachmann. Es war immer sehr interessant mit ihm zu arbeiten. Nach dem die Ausrüstung installiert war und auf Anweisung des Direktors die ersten Bauarbeiten abgeschlossen wurden, vereinbarte ich mit Montagearbeitern die weiteren Schritte. Wir hatten zwei gebrauchte Krafttransformatoren, allerdings ohne Pässe und Erprobungsprotokolle, erworben. Ich habe mich mit dem Abteilungsleiter der Krafttransformatorenproduktion im Elektrizitätswerk verabredet, brachte unsere Transformatoren dorthin und nach einiger Zeit bekamen wir dann die nötigen Pässe und die Erprobungsprotokolle. Mit den Einrichtern verständigte ich mich über alle notwendigen Erprobungen und Messungen. Als alles fertig war, lud ich die Übernahmekommission der Energieaufsicht und des Kabelnetzes ein. Das Protokoll über die Betriebsübergabe wurde angefertigt. Weiter beschäftigten wir uns mit den Hochspannungskabeln. Während der Bauarbeiten zog man sie hinter einem Traktor her, weshalb die PVC-Hüllen beschädigt waren und wir mussten daher zwei Trassen wieder aufgraben, mit bloßen Händen alles abtasten und die Beschädigungen ausbessern. Die Fachleute aus dem Elektrolabor führten die Erprobung durch und gaben uns die Erlaubnis zum Anschluss an das Verbundnetz. Währenddessen habe ich die Anlagen für den Anschluss der Werkshalle an das Stromnetz der Unterstation installiert. Als dann Spannung anlag, war unsere Arbeit getan. Wir bestellten die Abnahmekommission. Ich dachte, dass an diesem Punkt nun mein Werk vollendet gewesen sei, aber die Leiter des Betriebes schlugen mir vor, weiterzuarbeiten, ich blieb noch siebzehn Jahre dort. Ich lud den Chefenergetiker des Wawilow — Werkes zu uns ein, er stimmte zu und arbeitete nun als Stellvertreter des Chefenergetikers für Wasserversorgung, Heizung, Belüftung und Kanalisation. Er war der geeignete Mann dafür. Ich führte regelmäßig Lehrgänge durch. Wir waren ein gutes Kollektiv und hatten einen hervorragenden Leiter. Alle waren gute Fachleute und erfahrene Organisatoren. Wir hatten weitere eigene Angestellte.

Aber wie sollten wir weiter arbeiten? Wir hatten keine Ersatzteile und kein Werkzeug. Meine Freunde, die Chefenergetiker vom Traktoren

-, vom Motoren-, und Automobilwerk, sowie dem Werkzeugbau teilen glücklicherweise ihre Ausrüstung mit uns — wir konnten weiter arbeiten.

Das Unternehmen entwickelte und erweiterte sich, auch dank der Regierung. Die erste Werkshalle wurde fertiggestellt und das zweite Gebäude gebaut. Neben Nitropenta und Rohrelektroheizungen begannen wir, Stahlrohre zu produzieren (später ist daraus sogar ein selbstständiges Unternehmen geworden).

Großvater Theodor. Minsk, 1934

*Mendel, Mutters Vater. Witebsk,
1935*

Die Erinnerungen kommen nicht der Reihe nach, sondern sind ungeordnet. Ich erinnere mich an meine beiden Großväter. Der Vater meines Vaters lebte in Minsk, der von meiner Mutter in Witebsk.

Mein Großvater väterlicherseits war Ende des neunzehnten Jahrhunderts der Kommunistischen Partei beigetreten und wurde wegen kommunistischer Propaganda und seiner Teilnahme am Streik 1905 verhaftet. Er ist sein ganzes Leben lang ein einfacher Arbeiter gewesen. Im Herbst 1936 schloss ihn das Zentralkomitee mit der Begründung, er sei eine «Belastung», aus der Partei aus. Es war später Herbst und Großvater ging ohne Mantel und Mütze nach Hause. Er erkältete sich

stark, bekam eine Lungenentzündung und später auch Tuberkulose, worauf er nach einem Jahr schließlich starb. In der Tat haben ihn die Parteibonzen getötet, unser Großvater verkräftete den Ausschluss aus der Partei einfach nicht.

Von Mutters Vater weiß ich nur wenig. Er lebte mit seiner Familie in Witebsk. Die Familie war sehr groß — sie hatten fünf Töchter und einen Sohn. Großvater brannte selbst Schnaps. Man erzählte, dass einst eine Inspektion ins Hause kam und er versuchte, sich im Ofen zu verstecken. Doch mehr als sein Kopf, soll nicht in das Ofenloch hineingepasst haben. Man holte ihn wieder heraus und ließ ihn Strafe bezahlen. Später erzählte er, er sei von jemandem verraten worden.

Nachwort

Am 12. Juli 2011 wurde ich 85 Jahre alt. Ich habe verstanden, dass mir nur noch wenig Zeit bleibt. Ich begann zu schreiben und möchte nun meine Lebensgeschichte abzuschließen.

Mein ganzes Leben kann ich in vier Lebensabschnitte aufteilen:

Der erste Lebensabschnitt — die Vorkriegszeit.

Meine Kindheit und die Schulzeit. Ich hatte viele Freunde in und außerhalb der Schule. Nationalitäten spielten für uns keine Rolle. Wir wussten gar nicht, was das eigentlich ist. Das Wichtigste war uns die Freundschaft. Im Winter fuhren wir weite Strecken Ski, abends liefen wir mit unseren Schlittschuhen im Stadion, im Sommer badeten wir in den Seen, gingen in die Wälder. Ich besuchte den Pionierpalast, beschäftigte mich dort mit Fliegerei, war im Schützenverein, sowie in der Sportgruppe.

Der zweite Lebensabschnitt — der Krieg.

Nach unserem missglückten Fluchtversuch, kehrten wir gezwungenermaßen nach Minsk zurück und gerieten dort ins Ghetto. Unsere Wohnung war dort gelegen. Alle waren bereits weg. Meine

Freunde und Freunde meines Vaters, die außerhalb des Ghettos wohnten und keine Juden waren, halfen uns. Sie riskierten ihr Leben, krochen durch die Absperrung des Ghettos und brachten uns Essen und Kleidung. Die Freundschaft war stärker, als der Faschismus.

Der dritte Lebensabschnitt — das Studium.

Nach unserer Flucht aus dem Nazitransport begann ein anderes Leben. Schon 1945 ging ich an die Hochschule. Nach Abschluss des Studiums wurde ich Elektroingenieur. Ich arbeitete, lernte viel und wurde ein guter Fachmann. Ich leitete viele schwierige Arbeitseinheiten.

Der vierte Lebensabschnitt — die Familie.

1946 heiratete ich Ninotchka und wir lebten 65 Jahre in Liebe und Eintracht. Ich liebte meine Frau sehr, mit der ich zwei Söhne großzog.

*Bild: Zusammen mit Ninotchka und ihren Schwestern Natalia und Soja.
Minsk, 2007*

Sie sind auch Elektroingenieure geworden. Wir haben auch drei Enkel, eine Enkelin und schon einen Urenkel.

Meine Frau starb am 29. Dezember 2008. Für mich folgte eine furchtbare Zeit, ich dachte, ich würde diesen schweren Schlag nicht überleben. Ich bekam eine Lähmung in den Beinen. Der Psychotherapeut lehrte mich aufs Neue, zu gehen. Die Rehabilitierung gelang dennoch nicht vollständig.

Ich kann mit Sicherheit sagen, dass ich meine Mission auf dieser Welt erfüllte. Ich gewann viele neue Freunde, doch die alten, die schon längst tot sind, bleiben für immer in meinem Herzen.

Man muss auch hinzufügen...nach dem Krieg sah ich, wie das deutsche Volk gelitten hatte. Es blieben viele Witwen und Waisenkinder zurück.

In Dankbarkeit für die große Hilfe bei dieser Arbeit: Eduard Samojlow, Anna Maruschkewitsch, Ekaterina Dudko und Kusma Kosak, und den Übersetzern aus dem Russischen: Jürgen Eberhardt, Maria Patschepko, Anastasia Popkowa, Maximilian Vörtler

Studentische Betreuung durch: Jürgen Eberhardt, Staatliche Linguistische Universität Minsk

Studenten: Maria Patschepko, Anastasia Popkowa

Technische Universität Dresden: Maximilian Vörtler, Mitarbeiter Geschichtswerkstatt, Student

Minsk, 2012

Научное издание

ГРАЙФЕР Иосиф

Короткий рассказ о длинной жизни. Свидетельства трагедии и борьбы в Минском гетто 1941–1944 гг.

Josef Greifer

Kurze Erzählung eines langen Lebens. Augenzeugenbericht einer Tragödie und Kampf im Minsker Ghetto 1941–1944

Под редакцией *К. И. Козака*
Корректор *Л. В. Наливко*

Фармат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Печать цифровая.
Усл. печ. стр. 6,29. Уч.-изд. стр. 4,7.
Тираж 200 экз. Заказ 389

Издатель И. П. Логвинов.
ЛИ №02330/0494468 от 08.04.2009.
Пр т Независимости, 19 5, 220050, г. Минск.

Напечатано с оригинал макета заказчика на
копировально-множительной технике ИП Логвинова